

Сержант Леший

ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ



ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Сержант Леший

Чужая жизнь

Серия «Военная фантастика (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69211882
Чужая жизнь: роман / Сержант Леший: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-154401-0

Аннотация

Рыбалка в карельских лесах для новоиспечённого инвалида, которому совсем недавно ампутировали половину правой ступни, продолжается в июле сорок первого. Немцы, финны, местные полицаи, пленные красноармейцы, дети советского генерала и главный герой, судорожно мечущийся по вышеупомянутым лесам. И конца и края этому не видно.

Задача, которую взвалил на себя главный герой, такая, что проще о ближайшую скалу убиться. Ему необходимо спасти две семьи комсостава, которые захватили немецкие егеря одного из полков соединений СС «Мёртвая голова». Приходится выкручиваться. Благо наш современник оказался в теле сержанта-пограничника, а не ковыляет, как прежде, на своих полтора ногах.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Глава 3	54
Глава 4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Сержант Леший

Чужая жизнь

© Сержант Леший, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Иллюстрация на обложке Владимира Гуркова

* * *

Глава 1

Ехал в Карелию я во второй раз в жизни. В первый раз я посетил этот сказочный край два года назад. Так, заскочил с приятелем на пару недель. Да и то через восемь дней меня выдернули домой телефонным звонком. Было это в первых числах сентября. Ягод и грибов в тот год высыпало немерено, туристического народа вообще никого.

Специально так время с приятелем под поездку подгоняли – чтобы свалили молодые семьи с галдящими детишками и их вечно недовольными мамашами. Классно, кстати, получилось. Ни комаров, ни вездесущей мошки, ни назойливых и постоянно ужравшихся в дрова автотуристов с их любимой музыкой, несущейся из всех динамиков семейных пепелацев. Ещё и с погодой повезло – затяжные дожди пока не начались. В полдень было жарко, вечером – тепло, под утро – прохладно, в течение дня иногда ветрено, а то и слегка дождливо. Сказка.

Проскочили вокруг Ладоги, заехали на пару речек и на пару озёр. И купали червяка, наловили рыбной мелочи, купили брусники с черникой, ибо собирать в поездках мне всегда влом. Да и время терять, отмахав почти полторы тысячи вёрст в один конец, было откровенно жаль. Рыба была не сильно нужна. За весну и лето мы её столько ловим, что, несмотря на то что раздаём соседям большую часть уловов,

в морозильной камере к зиме скапливается килограммов по семьдесят у каждого.

Данную поездку я готовил загодя, причём в этот раз собирался в одно лицо. Хотелось новых впечатлений – и ехать. Просто неспешно ехать по дорогам и ни о чём не думать, останавливаясь для отдыха там, где нравится. Поэтому и маршрут проложил извилистый, с заездами на дальние, насколько это возможно, озёра. Домой возвращаться раньше чем через пару месяцев я не собирался. К тому времени был я уже вынужденным пенсионером и никуда не торопился.

Жизнь мне удалось прожить извилистую, но не слишком разнообразную приключениями. К пятидесяти годам кроме сахарного диабета, загородного дома, квартиры и двух неплохих машин ничем особенным не обзавёлся. Последняя жена растворилась в необъятном мегаполисе лет семь назад. Детьми я так и не оброс, и последние годы вел жизнь стареющего ловеласа. При этом четыре года назад из-за прогрессирующего диабета, запустив его настолько, насколько это было возможно, я лишился половины правой ступни. Отчего резко бросил пить и жрать что ни попадя, когда в голову взбредёт.

Пока лежал в больничке и потом дома, понял, что жизнь прожита и нового ничего мне увидеть более не суждено. К тому же, чуть оклемавшись, я словил ОРЗ, то есть очень резко завязал, причём со всем прежним образом жизни. В общем, решил смотаться в Карелию, а начать с Мурманской

области. То есть добраться до самой дальней точки маршрута по мурманской трассе, а потом не торопясь, задирая ногу на каждом понравившемся месте, ползти в сторону дома.

Самая дальняя точка была определена как полуостров Рыбачий в Мурманской области. Ну, Рыбачий и Рыбачий, камни и сопки, тундра и бесчисленные озёра, залив морской, мошка да комары. Доты старые, железки ржавые и ржавые же железные бочки, периодически украшавшие северный пейзаж. Народ встречался как местный на раздолбанных жизню тарантасах, так и рыбаки-туристы типа меня, кто с жёнами-детьми, кто по двое-трое. Задницами, впрочем, не цеплялись – не северный берег Чёрного моря, стоянок хватает.

Вот только попав сюда, я понял, что север – это совершенно не моё. И хотя погода порадовала нежарким солнышком и лёгким ветерком, сдувающим с берега кровососушую мерзость, особенно задерживаться я не стал. Что называется, отработал программу, отметившись у дальнего флажка дистанции. Двое суток, впрочем, поболтался по окрестностям, честно пытаюсь настроиться на благодушный лад, напиваясь новыми видами и просто отсыпаясь после долгой дороги.

Никуда не спешить было до такой степени необычно, что даже сейчас я находился в некотором недоумении. Обычно ведь как? Едешь на короткий отдых и чётко знаешь свои временные рамки, а сейчас я именно никуда не спешил, собравшись после Карелии и Питера так же не торопясь добраться до Крыма. Вслед за летом.

В своё время я удачно «отдал долг Родине», оттрубив положенные два года в Закавказском военном округе в Ленкоранском погранотряде санинструктором, закончив перед этим медицинское училище рядом с домом. Так что юношеский спермотоксикоз мне удалось удачно проскочить, болтаясь по окружному госпиталю, что, впрочем, не помешало отстреливать по паре рожков из «калаша» в неделю. Начальник госпиталя прошёл Афган и отношение к исполнению прямых своих обязанностей имел своеобразное, гоняя подчинённых на стрельбище в любое свободное время дня и ночи.

Затем несколько лет я отработал на «скорой помощи» фельдшером, где полностью утратил опять же юношеский максимализм и приобрёл философское отношение к жизни, разбавленное изрядной долей скептицизма. Потом перестройка и жизнь вынесли меня в контору по продаже медицинской техники, где я и прозябал до последнего времени.

Красивая всё же страна Карелия. Маршрут я проложил извилистый, вдалеке от основных трасс, только с месяцем не угадал, надо было бы ехать попозже, в августе. А то как там Пушкин писал? «Любил бы лето красное, кабы не пыль, не комары да мухи?» Вот здесь этого удовольствия в тройном размере, а по мошке – в десятикратном.

Я особенно не торопился, заскакивая на все более-менее крупные озёра и водохранилища, так что до половины обратного маршрута умудрился добраться только в начале июля.

В один из бесконечно длинных летних дней я доехал до двух живописных озёр почти на границе с Финляндией. Затарился в магазине небольшого посёлка и, отъехав километра на полтора, встал на стоянку. Надо было пожевать и отдохнуть слегонца.

Проснулся уже под вечер. Ну как вечер? Белые ночи же. Для жителя средней полосы явление необычайное. Темнеет медленно, медленно, а потом, в тот момент, когда кажется, что вот прямо сейчас выключится свет, вдруг неожиданно появляются первые лучи солнца. Я в это время как раз люблю рыбачить. В низинах и на воде туман появляется и комара значительно меньше, чем днём. Так что за оставшееся время я вполне мог найти приличную стоянку и распаковаться.

Ехал по дороге не быстро. По таким дорогам не сильно разгонишься, так как просёлок на стиральную доску похож. Видимо, грейдером утрамбовывали, ну или как там эта строительная техника называется. Откуда взялся этот грузовик, понять я не успел. Мой джип только в поворот входил, дальний свет по глазам, удар, короткий полёт, боль и темнота.

* * *

Очнулся от удушья. Нет, не так. Я тонул, захлёбывался в воде, мозг отказывался работать. Но я тонул? Нет, руки вцепились в песок, и я, полузадушенный, кашляя и неэстетично блюя желчью, водой, остатками воздуха, сидел на каком-то

песке, в ледяной, как показалось, воде. Что за бред? Откуда всё это?

Нет, всё потом, сначала проплеватся и выбраться отсюда. На берег, на песок, кстати, холодный и дальше – на карачках, в полубреду воткнувшись головой в возвышающийся над полоской прибрежного песка берег. Наконец, трава. Обессиленно свалился на бок, спазм так и торчал в горле ледяным комом, ни протолкнуть, ни вытолкнуть, и... холод и ноющая боль? К голове слева чуть прикоснулся и сразу же потерял сознание опять.

Проснулся как толчком от холода. От холода? Да какого на хрен холода? И где я? Серое утро только чуть проклюнулось. Обрывки тумана не доставали до леса, но полностью покрывали гладь воды. Глаза выхватили какую-то нелепость. Лежу чуть на правом боку, башка раскалывается, как будто слева сзади гвоздь воткнули, в правой руке в кулаке нож зажат. Ну как нож? Штык от трёхлинейки, и не хреновый такой, свеженький, будто вчера выкованный. Был у меня такой, когда дом строил, наткнулся, когда фундамент копали. Тот ржавый был, но острый, а этот – новё, муха не сидела.

К голове не прикоснуться, и не знаю, что больше, холодно или больно. Песец какой-то и серая темнота. Надо отсюда выбираться. Разжал скрюченные пальцы, привстал на правый локоть. Воротник гимнастёрки давил горло. Да что это? Какой на хрен гимнастёрки? Сел на задницу и огляделся. Весь мокрый, холодно, даже боль в голове притупилась.

Да откуда всё? Штык никуда не делся, гимнастёрка, несуразные штаны и сапоги. Да я никогда в жизни сапог не носил, в армии только. На автомате, чуть прикасаясь кончиками пальцев, ощупал черепушку. На голове слева, за ухом – ссадина, как будто наждаком стесало. Кровь не идёт, кстати, и мокрый весь, от макушки стриженной, но это у меня чуть не с детства привычка, до мокрых кирзовых сапог.

«Яловых», – неожиданно мелькнуло в голове как будто с обидой. Откуда это слово?

Тихо-то как. Башка по-прежнему ничего не соображает, весь мокрый, потрёпанный и какой-то жалкий. Сам себе противен. Снять надо всё и выжать, а то сдохну прямо так. Сначала сапоги, портянки, стянул гимнастёрку, с трудом протискивая голову. Обнаружилась белая рубаша, повозился с ремнём.

«Кожаный командирский», – всплыло опять и снова по-детски обиженно.

И рубашу эту долой. Стянул штаны, опять белые подштанники, фиксировал как будто отстранённо. Сижую голый, тряпки вокруг разбросаны. Надо двигаться, а то замёрзну совсем. Начал пальцами ног шевелить, и тут меня пробило.

Пальцами ног! Вашу ж мать нерусскую! У меня же нет пальцев на правой ноге! Вернее, не было, а сейчас есть, плюс пивной живот куда-то делся! Да вообще сейчас я выгляжу так, как будто вчера из армии вернулся. Оттарабанив последние восемь месяцев своей службы на заставе, куда меня за-

несла нелёгкая после одного нехилого косяка, я выглядел никак не хуже.

Мать, мать, мать, по привычке ответило эхо. О! Вот это Агафонов просыпается. Это точно я – состояние лёгкого глумежа меня преследует постоянно. Ещё секунд пятнадцать я шёпотом вспоминал всех предков. И... Кстати говоря, некоторые выражения я высказал впервые в жизни. Я и не думал, что знаю такое.

Ладно. Что в сухом остатке? Мокрый молодой мужик, голый и с пробитой башкой, с вроде целыми внутренностями, замёрзший, злой и голодный. Впереди – чёрная гладь воды, за спиной – лес, рядом – сосна, ну и туман вдали клубится. Почему с такими подробностями? А как-то сосредоточиться надо? Я же офисная крыска. Мне всё по полочкам разложить необходимо.

Сначала выжать всё и одеться. Штаны, ибо голым жопом, простите за мой французский, я на хвое сидеть не приучен. Впрочем, особого неудобства не испытывал, ибо организм ничего кроме холода пока не воспринимал. Подштанники, они на завязочках, мать их, но справился, потом – штаны (в карманах пусто), ремень, потом – рубаша, и тоже несуразная, но вроде теплее стало. Чуть-чуть, но теплее.

Гимнастёрка. Сразу всплыло: документы в левом кармане. В тряпочку завёрнутые. Хозяйственный я парень! Ха. Опять глумёж начался, но темновато пока, не увижу них... чего.

Теперь – сапоги. Как их обувать? Портянки эти... Как их

мотать-то? Вспомнить бы правильно. Спасибо деду из моего далёкого детства. Первый навык, который мне он дал, это мотать портянки. В армии уже носки выдавали, но я потом портянки соорудил под недолгий смех своих сослуживцев. Уже через пару дней ко мне гонцы потянулись за наукой нехитрой, но полезной в том жарком климате.

Обулся, в общем, с грехом пополам и оделся. Холод не ушёл, но притупился слегка. Дальше-то что? Куда бежать? Кого мочить? Встать-то удастся? Документы не забыть, а то без бумажки. Опять меня не туда занесло.

Протянул руку, размотал чуть влажную тряпочку, достал красноармейскую книжку и тупо уставился на текст. Чёрт. Я сплю, что ли? Вот это я попал так попал. Попаданец, блин. Сержант войск НКВД, Малахов Александр Алексеевич. Восьмидесятый погранотряд, 3-я пограничная комендатура.

Ночная же ты фея! Комсомольский билет. Комсомолец с тысяча девятьсот тридцать девятого года. А сейчас какой год и месяц? Июль, судя по всему. Или июнь? Но точно не август. В августе холоднее. Наверное.

Вашу ж маму! Лет мне двадцать четыре, вот и вся информация пока. Мозги дебила двадцать первого века в теле дебила века двадцатого. Забавный каламбурчик! Но чего только жизнь не подкидывает.

Что мне теперь с этим делать? Здесь же леса сплошные, озёра да болота. И населения полтора инвалида на двадцать

квадратных километров в лучшем случае. Но танцевать надо от печки, от воды то есть. И первое потрясение или, так сказать, находка.

Труп обнаружился сразу. Чуть правее по берегу. Пограниц, судя по одежке. Петлицы зелёные, фуражки нет. Лежит ногами на берегу ничком, лицо в воде. Подтащил ближе на берег за ноги. Угу. Три дырки в спине. Принялся вытаскивать, но только перевернуть смог. Выходных отверстий на груди нет.

Странно. Не пулемёт. Из пулемёта и винтовки насквозь прошло бы. Молодой мальчишка совсем, оставил в воде, только на берег вытянул чуть, за руку. Рука холодная и не гнётся – пара часов точно прошли. Быстро в воде окоченел. Хоть и лето, а в воде холодно. Сам от этого холода чуть не сдох.

На деревянных, негнущихся ногах вернулся за штыком. Штык не оружие, а так, для успокоения души. Дошёл обратно, прошёлся по карманам пограничника, тоже документы и всё, ни оружия, ни каких-то нужных мелочей, как выгреб кто-то. Почему тогда у нас документы не забрали? Непонятно.

Второй труп чуть дальше, мужик лет тридцати, этому прилетело в голову, в затылок. Лица нет, наверное. Переворачивать не хочу, но надо, сидор за плечами у него, подсумки на поясе и винтовка чуть дальше в воде. Лезть придётся. А куда деваться? Неглубоко, впрочем, голенищами сапог воды не

зачерпнул, подсумки снял вместе с поясом. Привычно прошёлся по карманам – и на хрен с пляжа. Под деревья. Нечего на берегу отсвечивать. Выходного отверстия у пехотинца тоже нет. Пуля осталась в голове. На излёте была, что ли? Опять странно.

Так. Что тут у нас? Документы на потом, со своими бы разобраться. Винтовка – трёхлинейка образца тыща восемьсот лохматого года. Ну, хоть это привычно. Такие винтари – обычное оружие в нашей стране. Их в своё время столько налепили, что все вохровцы на режимных объектах до последних лет социализма ими были вооружены. Трёхлинейками да «наганами».

Обойма, три патрона, подсумки пусты. Нет. Размокшие спички и кисет. Ну, это мне без надобности: курить я так и не научился, а как этот сержант, не знаю. Курить пока не тянет, а дальше посмотрим. Отложил на потом. Сидор тоже не сильно порадовал: тряпка, пара луковиц, хлеба кусок с полкило и десяток сырых картофелин. Непривычно мелких, кстати говоря. Да фляжка с водкой наполовину пустая. Глоток сделал, чтобы ком, так никуда и не девшийся, протолкнуть.

А это что? Металлическая коробка, в тряпицу завёрнутая. Что здесь? Я даже хмыкнул непроизвольно. Медицина! Два бинта, смотанных в большие рулоны, склянка с йодом, наверное, и два шприца. Шприцы – да-а! Стекланные, большие, штоки металлические, иголки со стержень от шарико-

вой ручки толщиной.

Я тут же вспомнил кинокомедию «Кавказская пленница». Вот таким шприцем Моргунова тогда кололи. Конечно, поменьше чутка, но ненамного. Иголки тоже металлические, такой иголкой при желании зарезать можно, если знать, куда её ткнуть. Берём! В кулацком хозяйстве всё понадобится. Я в глубине своей души тоже вроде как медик.

Да ладно! Так не бывает, чтобы у пехоты и винтарь сохранился, и сидор, и подсумки, а у двоих пограничников – один штык на двоих. Я вообще где? Трёхлинейка без штыка, хотя и так оглобля нехилая. Всё собрал в сидор, и подсумки тоже, может, на что пригодятся. С водки не развезло, согрело чуть-чуть, но, как я по опыту знаю, ненадолго, надо двигаться. Уже посветлело. Двинулся вдоль берега на полусогнутых, сторожась даже собственного дыхания, метров пятьдесят до поворота.

Здесь в озеро впадает неширокая река, быстрая, как и все местные реки. Прибрежная полоса широкая, метров пятьдесят до леса. Тут те, кто нас прикрывал, и приняли бой. Лейтенант с перебитыми и перебинтованными голеньями, с раздолбанным близким разрывом пулемётом Дегтярёва, четверо пехотинцев и ещё трое пограничников, у всех винтовки. Были.

Произошло это, наверное, вчера вечером или ближе к ночи. Дальше у дороги стоянка, пара машин и часовой рядом с ними маячит. Одно радует: туман и меня прикрывает, и

группы на берегу. Часового случайно разглядел, по сигарете. Вот беспечные мрази! Не война для них. Как на прогулке прибили десяток человек и спать завалились. Оружие, впрочем, с убитых собрали и в кучу под деревья свалили. Здесь же три сидора обнаружались, и не пустые. Я, как хомяк, все три прибрал и винтарь мокрый сменил на более-менее целый. Документов у лейтенанта нет, а «наган» есть, но не в кобуре, кобура пуста, а за поясом на животе, что тоже странно, и патронов четыре штуки. Лейтенанта перевернуть всё же пришлось – документы искал.

По берегу прошёлся сторожко, в подсымке у одного пограничника пара обойм оказалась, нож складной, да кобуру с лейтенанта срезал. Документов ни у кого не было, карманы вывернуты, а где и с мясом выдраны. До нас лениво идти было, что ли? Или на утро оставили? Крайний к лесу пехотинец порадовал пехотной лопаткой.

Встроиться никак не могу. Окружающая действительность воспринимается мозгом отдельными обрывками, как в старой покрашенной ленте черно-белого кино. Туман прибрежный песок прикрывает клочками. Развороченное лицо лейтенанта с выбитыми вырвавшейся на волю пульей передними зубами. Лежащий на спине пехотинец с двумя ранениями в живот и третьим в грудь. Видимо, доби́ли раненого – входное в грудь опалённое. Натёкшая под пехотинцем кровь. Много. Свернулась уже. Двое неуловимо похожих друг на друга пограничников с порванными автоматными очередями

ми телами. Запёкшаяся кровь на щеке одного из них. У второго перевязано правое бедро. Прямо поверх штанов. Ранение свежее – кровь проступила поверх повязки и так запеклась. Лежат совсем рядом. Братья? Или это смерть так сгладила молодые безусые лица?

И тут же, чуть переведя взгляд, стремительная полноводная речка, весело несущая свою воду мимо разыгравшейся недавно трагедии. Тёмная полоска леса вдали и плеск крупной рыбы, ударивший по натянутым как струна нервам и вернувший меня в действительность лучше ведра воды на голову.

Так и ушёл обратно вдоль леса, на дрожащих полусогнутых ногах. И прибарахлился, и чуть не обгадился, и в себя пришёл. По крайней мере, понятно, где моё оружие, я по ходу свой «дегтярь» лейтенанту оставил, но это всё лирика – не помню ни черта. Ясно стало, и как ребят положили, и как нам прилетело.

Пока лейтенант оборону на берегу изображал, по лесу с десяток немцев подошли и в упор, как салабонов. Ну и нам троим в спину. Умелые, сволочи. Что, впрочем, не удивительно. Передовые немецкие части два года уже воюют, а финны и того более.

Рассвело уже, валить надо отсюда, пока не началось. Жизнь с чистого листа начинается, а долгов уже полный сидор: и мужиков не похоронил, и от немцев бегаю как щен, и не первый день похоже.

Уходил в лес перпендикулярно озеру. Сначала в небольшую горку вперся, как лось. На холке дорога лесная обнаружилась, так, две колеи еле заметные. Лес прозрачный, сосны, брусника, черника, не остановишься нигде, метров на четырёх всё видно. Налево – немцы и река, направо – озеро и лес. Решил идти прямо, забирая наискось левее, там вроде ёлки виднеются. Только поглубже в лес забраться и дорогу из вида не упускать, а то у меня ни компаса, ни карты, ни мозгов пока. Соображалка только работает. На инстинктах.

Наконец-то на еловый выворотень наткнулся. Здоровый. Ствол в два охвата, ну и ямище будь здоров. Раздербанил сидоры. Гимнастёрка сухая и портянки, патроны и перевязочные пакеты, сухари, опять фляжка с водкой, картошка и лук, спички с кисетами, патроны, опять портянки. Третий породавал окончательно: пара гранат «лимонок». Запалы отдельно в портянку замотаны.

Насколько смог, шустро переобулся и перемотал портянки, а то собью ноги – и привет родителям. С убитыми ногами далеко не побегаешь. Не дай бог проснутся эти уроды не вовремя и обнаружат, что один покойник сделал ноги. Загонят они меня к какому-нибудь болоту, а я к болотам никакого отношения не имею – боюсь я их до детской икоты.

Слегонца почистил небольшую луковицу, отрезал ломоть хлеба и по-скоренькому пожевал, накатив ещё граммов семьдесят водяры. Луковицу так и грыз, как яблоко, даже не порезал. Но это у меня с детства. Тоже дедова школа. Он са-

мым краем кусок войны зацепил. Да и после войны ему, как и всей стране в целом, несладко пришлось. Так что некоторые его привычки и мне передались. Ком в горле провалился внутрь после очередного глотка водки. Хотя какая-то польза от неё, заодно и согрелся окончательно.

Всё своё нежданное хозяйство смёл в один сидор, запалы в гранаты вкрутил, кобуру на ремень прицепил, сидор на спину – и «алга»¹. Впрочем, «алга» продолжалась недолго. Просёлочная дорога, сильно наезженная и мало изменившаяся со вчерашнего дня, обнаружилась метрах в восьмистах.

Тихо. Что здесь обычное дело. Только комарьё звенит, плюс мошка обнаружилась. Хорошо, что пока немного. В обе стороны никого, но слева – стоянка у немцев, а чуть дальше – мост через речку. Так что я у дороги притормозил ненадолго и на ту сторону перебрался, а вот с той стороны, с небольшого пригорка немцев я и увидел.

Не немцы это, наверное, а финны, что для меня песец полный. Они же местные, всё здесь в округе знают. Я лопушок городской по сравнению с ними и знания мои в этом сосновом лесу ни хрена мне не помогут. Нет, я, конечно, рыбак и лес вижу не впервые, но умения несопоставимы.

Часть действительно сваливает, собирается, по крайней мере. Около машин какая-то суeta нездоровая, но мне от этого не легче, у моста явно кто-то останется и стопудово не с пустыми руками.

¹ В переводе с башкирского означает «вперед».

Мосты здесь основательные, построенные на века из строевого леса. Это я за прошлые дни нормально разглядел. Нет, нападать на стоянку в три грузовика и в сотню рыл я, конечно, не собирался. Дурных нема, я вам не рэмба какая. Немцам я на семь секунд, да и то если живым взять захотят. Ну, завалю одного издали, и вся война. Для меня. Немцы-то дальше отправятся, а я здесь останусь, зверушек местных прикармливать. Мне такой вариант не сильно подходит. Но поглядеть на них издали стоило. Я так понимаю, мне на ту сторону реки, а мост здесь один.

Купаться в речке я буду только в крайнем случае и явно не сегодня. На сегодня купаний мне достаточно. Хорошенького понемножку. Да и понять надо, будут эти рыла беспредельные меня искать или пожрут и дальше поедут. Что-то мне совсем не улыбается скакать по лесу от загонщиков.

Просочился дальше в лес метров на пять-шесть и тихой сапой от дерева к дереву двинулся к стоянке. Близко подходить не стал, метров за пятьсот расположился.

Ждать пришлось долго, часа два где-то. Немцы посуетились и притихли, как будто ждут чего-то, а потом сзади из-за поворота послышалось тарахтенье, и на дороге нарисовался мотоциклист. Мотоциклов оказалось два, оба с колясками и по два человека на каждом. Не доехав до меня с полкилометра, оба мотоцикла остановились уступом, и пулемётчики навели на лес стволы пулемётов. На мою сторону, что характерно.

Спасло меня чудо, ну или моя привычка не суетиться. Место для наблюдения я выбрал не в лесу, а у небольшого камня. Ну как небольшого? Это для местных камней небольшого, а по меркам Подмосковья огромного. Камень этот меня от леса закрывал напрочь, а со стороны дороги стояла обломанная сосна. В общем, по этому признаку я место и выбрал. Вроде закрыт со всех сторон.

С чего они поутру лес решили прочесать, я так и не понял, но краем глаза движение засёк и медленно повернул голову. Загонщиков было двое, но явно ребята не простые. У ближнего ко мне немецкий автомат, что само по себе уже на неведомые мысли наталкивало. Второй шёл метрах в пяти глубже в лес, с винтовкой.

Ходко так эти ребятки шли по лесу. Практически бесшумно – профи. Но по лесу именно, а не по перелеску у дороги, и меня они попросту пропустили. Я прямо от ужаса застыл, казалось, в мох врос. У загонщиков с мотоциклистами связи не было. Видно, по времени договаривались или через определённое расстояние разведчики выходили из леса.

Пройдя мимо меня, метрах в десяти эта пара чуть сдвинулась к дороге и остановилась, а мотоциклисты как стояли уступом, дальше по дороге двинулись. Они уже мимо меня проезжали, когда автоматчик стал оборачиваться, видно почувал мой взгляд, уж и не поймёшь отчего, и взглядами мы с ним встретились.

Удивился он прямо смертельно. Автомат только подни-

мался, но ствол моей винтовки ему прямо в грудь смотрел. Мне только на курок нажать и сразу обе гранаты кинуть, я их прямо перед собой выложил, когда располагался. А что? В карманах неудобно, а на поясе держать... Вдруг соскочат, пока лежу? Гранатные сумки на ремне вообще штука неудобная. Пока из неё гранату достанешь, на небе окажешься.

В общем, кольца крест-накрест сдёрнул и первую с правой руки во второго лесовика запустил. Граната чуть дальше него пролетела, на метр приблизительно, и сразу вторую – в мотоциклы. Они уже метров на пятнадцать вперёд прокатились, тоже удачно легла – перед последним мотоциклом. Казалось, вжаться в землю было уже дальше некуда, но мне, похоже, это удалось, не зацепило меня. Грохнуло неожиданно громко, потом ещё раз.

Первый взгляд – на мотоциклы. Второму досталось неслабо, оба мотоциклиста в минус, а вот передний мотоцикл уцелел, и мотоциклист просто поддал газу. Ну а я мешок в руки – и к лесовикам. Винтарь даже подхватывать не стал, эта слегка только на болоте хороша да махаться в рукопашной. Мне автомат нужен.

Подскочил. Оба холодные. В смысле обоих осколками посекло. Каждому по десятку осколков точно прилетело. Что говорить? Граната – штука такая, не всегда ласковая.

На колени плюхнулся, сидор развязал. Автомат, подсумки с ремнём, документы, гранаты две, немецкие, которые с длинными рукоятками. Это я удачно зашёл! У второго не

винтовка, карабин, он покороче. Подсумки с ремнём, документы, гранаты две, по карманам прошёлся. Зажигалка, стоп-часы на руке у автоматчика.

О, ранец! Всё своё ношу с собой? Спасибо тебе, добрый фей! И ноги, ноги отсюда. Автомат за спину через голову. Тяжёлый зараза! Сидор завязать, тоже на спину его, две гранаты – за ремень спереди, карабин – в руки, ранец за лямку на левое плечо. Мул, блин.

Если бы побежал в лес или в сторону от стоянки, сразу меня бы загнали, но у стоянки они меня не ждут. Вот я в лес и наискосок в сторону стоянки и ломанулся. У моста вопли какие-то слышны. Походу, комитет по встрече будет нехилый. Видно, не нравится ответку получать. У моста залаял пулемёт, коротко прострекотали автоматы. Через пару минут подключился второй пулемёт, но уже другой, судя по звуку. Что-то служивые излишне возбудились, но мне поклонники без надобности, я к мужскому вниманию не приучен.

Метров четыреста по лесу с ходу отмахал на адреналине, опять в горку, кстати. Потом чуть притормозил и небыстро потрусил дальше, дыхание восстанавливая. Стрельба переместилась от моста к тому месту, откуда я свалил. Ну, это понятно, пока они перелесок очередями не причешут, в лес не сунутся.

Позже анализируя, я так и не понял, что они в лесу вдвоём делали. Кого-то искали – это понятно. Окруженцев по лесам сейчас полно бродит. Думаю, что следы смотрели, где дорогу

в ночь переходили и загонщиков наводили, а пулемётчики – это так, группа поддержки. Эти орлы, видно, из охраны моста были, а вот те на грузовиках, что нашу группу вчера задавили, загонщики.

Теперь понятно, почему часть с места не трогалась. Разведку ждали, чтобы по лесу впустую не шариться. И я – осёл безрогий. Понаблюдал, блин. Пока думал, с километр где-то отмахал.

То, что за мной пойдут, я не сомневался, но фора небольшая у меня есть. Надо левее уходить к речке, там меня в последнюю очередь искать примутся. Наверное, они загонщиков на машинах по дороге дальше закинут и широким охватом гнать к реке примутся, а я уже тут. Глядишь, и придумаю что-нибудь к тому времени, как основная веселуха подтянется.

Минут ещё через пятнадцать остановился передохнуть, да и переложить имущество надо, а то напихал всё в сидор валом. Рухнул на мягкий мох, губами поймал ягоду не сильно зрелой черники – водянистая. Смахнул ещё десяток: пить хочется. У меня две фляги, и обе с водкой.

Озёрный край, а воды набрать не удосужился, баран толстобый, мучайся теперь.

Сгрузил всё рядом. Бежал всего ничего, а форма сухая уже. Голову не перевязывал, разбередить боялся, да и забыл, если честно, с такими-то волнениями. Не кровит, и ладно. Вчера меня, видно, за убитого приняли, вот и не теребили

сильно.

Сидор вытряхнул и большую часть из того, что в нём было, в немецкий ранец убрал. Всё не вошло, но почти пустой мешок – это не вес, сверху ранца пристроил. Ремень лишний под мох засунул. Куда мне его? Солить? Ременную подвесную немецкую сбрую на себя нацепил. Неудобная. Но куда деваться? Подсумки с автоматными рожками, подсумки с патронами к карабину на пояс. Флягу полупустую – туда же. Стеклянная – это наша, я читал где-то. Две гранаты – за пояс слева спереди. У финнов, кстати, так и было. Кобура с пистолетом.

Достал тяжёлую железку. «Вальтер Р-38». Я на несколько секунд задержал взгляд на хищных обводах пистолета, виденного мной прежде только на картинках. Самый распространённый у немцев пистолет. Опять непонятка. Почему у убитых мной финнов немецкое оружие? Потянулся за документами. Хренов как дров. Это немцы и есть. На солдатской книжке – герб со свастикой и язык явно не финский. Странно. Рядом финская граница, а часть, прочёсывающая лес, немецкая.

А в рот им ноги! Мне-то какая разница? Валить надо. Автомат и карабин. Что себе оставить? Вот хрен я что брошу. Патроны от трёхлинейки в ранец убрал, «наган» – туда же, может, пригодятся потом кому. Две гранаты из четырёх, документы немецкие, пусть будут, всё какой-то результат.

Вроде загрузился. Ещё черники набрал пару горстей. Яго-

ды зеленые, но пить хочется до озверения. Ручей надо найти срочно, да и озёра здесь чистейшие. Жую полузрелые ягоды. Одно хорошо, в Карелии постоянно дожди идут, хоть маленький дождик, а проскочит, и потому ягоды водянистые. В Тверской, Смоленской и Псковской областях не такие, вкус другой. Насыщенной, что ли?

О чёрт! Опять отвлёкся, идти надо. На дороге постреливают, но без особого энтузиазма. Понятно – скорбят по временно ушедшим в другой мир камрадам. Пора мне. Вроде отдышался. Направление бы не потерять, а то выйду прямо к облаве.

Только тронулся, канонада, и сильно так. Граната хлопнула, ещё одна и ещё. М-мать! Похоже, навел я облаву на кого-то. Замер на минуту и дальше двинулся: сейчас это не моя вой на. Мне мысли в кучу надо собрать и вообще понять, что дальше делать.

Через полчаса где-то наткнулся на ручеёк, напился и передохнул немного. Часы. Времени двадцать минут одиннадцатого. Опаньки! Уже?

А по ощущениям минут двадцать прошло. Надо часы завести. В детстве были у меня механические. Дед подарил к школе, так что как это делается, знаю.

Теперь – вдоль ручья, он-то стопудово к реке выведет. Ага! А река – к мосту, а на мосту – коми тет по встрече с горячими гостинцами. Замкнутый круг, однако.

Ходить по лесу – это вам не по проспекту рассекаать. По

низине, где ручей, плюс деревья упавшие валяются, и кусты кучерявее, и трава гуще. Пришлось выше по склону подняться. Так и шёл не торопясь, пока внизу озеро не обозначилось. Вообще-то озёр здесь хватает, и места нелюдимые, и больших посёлков почти нет. Население – карелы финские. Кто их знает, как они к нам относятся, но вроде любить им нас не за что.

Самое поганое, что дорога эта, с которой я так эротично свалил, идёт между двух озёр, и чтобы выйти хоть куда-то, мне придётся выходить на эту единственную дорогу, огибающую здоровенное озеро. И вообще озёр маленьких и не очень здесь как грязи. И болот. И лесов. И комарья. И мошки. И, как теперь оказалось, немцев с финнами тоже. М-м-мать вашу!

Глава 2

Благословенная страна Карелия! Всё классно! И реки прозрачные, и озёра хрустальные, и рыбы, и зверей разнообразных, и ягод всевозможных немерено! Лето. Пора благодатная. Но кто ж придумал комаров и мошку в таком невероятном количестве? Как бы мне хотелось это существо чудное центральной частью человеческой организмы в муравейник пристроить!

Вы когда-нибудь пробовали с голой лысиной по лесу целый день прогуливаться? Вот то-то же! А мне деваться некуда – умные волосы давно покинули мою дурную голову, а шарахнутый в голову сержант не так давно отскоблил свою черепушку до зеркального блеска.

Ладно, поплакался – и будет. Хорошо, что гимнастёрку, на берегу прихваченную, не выкинул. Пристроился на привал, перевязал, стараясь не сильно тревожить, голову и вырезал, располосовав гимнастёрку, что-то вроде двух бандан. Одну, побольше которая, традиционно повязал на голову, из второй сделал что-то типа намордника, замотав ещё и шею.

Так и пошёл дальше, потихоньку забирая вправо. Слева у меня мост, прижмут облавой к мосту, и привет родителям, а такое мы вчера проходили. Хватит одного раза. Двигался неспешно вдоль озера, то удаляясь от него, когда местность позволяла, то выходя почти к прозрачной воде с небольшо-

ми камешками на жёлтом песке. Хотя вот это не моё тело ходить умеет. Я даже не думал, куда ногу поставить, чтобы сучком не треснуть. Получалось совсем беззвучно.

Думаю о своём, о «девичьем», как по Подмоскovie про-гуливаюсь, но, видимо, парня этого учили хорошо. Я его из воды вытащил, а его тренированность меня уже в который раз за день из анального отверстия дикобраза достала. Такое впечатление, будто звоночек в голове тренькнул. Хорошо, я сразу насторожился и встал как вкопанный, с занесённой в следующем шаге ногой.

Точно, плеск негромкий. О! Уключина скрипнула. Я как стоял, так и стёк на землю. Никогда так не умел, не с моим ростом подобные фортели выкидывать. Прежним ростом, конечно же, а сейчас умею. Хотя и сейчас бог росточком не обидел. Точно пацана этого умения. Главное ему не мешать.

Пока я всё это продумывал, руки сами скинули сидор и ранец, бережно положили на мох карабин.

«Стоп. Куда? А ну повесь автомат на место!» – Я даже прошептал это почти беззвучно.

Вот чудо из чудес. Он с карабином воевать собрался.

«Хрен тебе по всей бандане. Автомат не отдам. Давай вперёд, как ты умеешь».

Странно, но внутреннее сопротивление пропало, даже отголосок смущения мелькнул. Ничего себе! Так ты здесь? Я просто подумал об автомате, и руки сами оттянули затвор, патрон был в стволе. Так. Как тут приклад раскладывает-

ся? Ага, вот так! Металлический приклад с лёгким щелчком встал на место.

«Молодца. Теперь повоюем! Давай, братишка, вперёд, не мне с твоими умениями тягаться».

Скинул всё лишнее и, засунув за пояс гранаты, взял на изготовку автомат. Теперь я не шёл, а крался, перетекая от дерева к дереву.

Опа! А плеска-то нет. Лодка пристала? А зачем? И главное, куда? Впрочем, ответы на все вопросы я получил почти сразу. Небольшой ручеёк, впадающий в речку, намыл небольшую горку песка перед травой, и образовался крохотный пляжик под пологим берегом. Уткнувшись носом в этот пляжик, стояла достаточно большая лодка, а из лодки, мягко, как будто на резиновых конечностях выпрыгивал уже четвёртый такой же солдат.

Вот вашу ж мать! Что ж вы вцепились-то так в этот лес? Шестеро. Четверо у ручья сгрудились и что-то в нём рассматривают, негромко переговариваясь. Двое лодку на берег дальше вытаскивают. Нет, вру. К лодке они даже не притрунулись, винтовки достают. Шесть человек, два автомата, три карабина и один только с кобурой на поясе. Три пары получается. Разведка? Егеря? Нет, ребята, другого шанса у меня не будет, вам только развернуться, и мне трындец.

Очень удачно, что у меня гранаты оказались под руками. Что бы я без них делал? Спасибо нашему «полкану», научил гранатами кидаться. Руки сами колпачки на рукоятках от-

винчивать начали. Читал я где-то про эти гранаты. Что такое тёрочный запал, я, разумеется, не знаю, но про замедлитель помню. Всё на автомате. Дернул за веревки, три секунды выждал и одну за другой переправил гранаты на другую сторону пляжика. Здесь расстояние от силы метров двадцать.

Хороша штука граната! Особенно когда их две и падают они почти одновременно под ноги ничего не подозревающему противнику. Досталось всем четверым. Автоматчиков разметало по песку. Двое у лодки только выпрямиться успели. Две короткие очереди ударили им в спину на пару мгновений позже первого взрыва, но даже этого времени одному хватило, чтобы слегка развернуться и одной рукой переместить винтовку со спины вправо. Поэтому ему досталось не в затылок и спину, а в шею, в левую сторону груди и в бок, второму, как и планировал, три патрона в спину, хотя нет, патронов больше выскочило.

Адреналин организм подстёгивает и к месту, и не очень. Ноги уже несли меня к тем четверым. Досталось-то всем, но двое были ещё живы. Один с утробным воем катался на берегу, зажимая в руках раздолбанную взрывом левую ногу.

«Понимаю, обидно. Было целых две ноги, а осталось полторы и покоцанных. Потерпи, паскудник! Недолго осталось, мы с Саней быстренько».

Второй вяло бултыхался в ручье, пытаюсь поднять голову, бурое облако крови расползлось у него откуда-то из низа живота. Снова две короткие очереди.

«Блин. Опять больше патронов ушло. Надо приноравливаться к такой стрельбе и такому автомату. Так, ребята, хорош купаться. Пора вам на берег. Намочите документы и то, что у вас в карманах хранится, а мне потом сушить всё это хозяйство».

Вот как мандраж проскакивает, но, тем не менее, ухватив одного из солдат за тёплую и податливую руку, я шустро вытащил его на песок, потом второго. Этого за шкурку ухватить оказалось удобнее. Фух. Надо ещё за вещами сбегать. Мне вас, братаны, вытрясать и раздевать, камуфляж у вас хороший.

Стоп. Что-то я пропустил! Мелькнуло – и пропустил. Точно. Вот это. Камуфляж и винтовка. Метнулся обратно к лодке. Вот свезло так свезло. Уже подбегая к лодке, я понял, что если ты родился тормозом, то помереть спринтером тебе по-любому не светит, максимум медленным газом. Вот что не давало покоя: два снайпера. Или как у них там, снайпер и наблюдатель? Угу. Оба готовы. Камуфляж, бинокли, под сумки, две винтовки, обе с оптикой. В лодке на носовой банке – ручной пулемёт. Его ни с чем не спутаешь! Вот почему один был только с кобурой, пулемётчиком он был.

Что здесь у нас ещё? Шесть ранцев, три приличных размеров ящика, четыре туго набитых вещмешка и связанный маленький человечек, мятой тряпкой лежащий на дне лодки. Руки моего напарника сами потянулись к пленнику. Пришлось опять приструнить.

«Куда? Твою мать! Лежал здесь, ещё полчаса потерпит. Мухой за вещами!»

Рванули мы с Саней, как будто за нами гонятся. Может, и гонятся. Я-то откуда знаю? Зато теперь точно знаю, как выглядит одна нога здесь другая там. Шустро мы туда-обратно сбегали. Скинули своё хозяйство на сидуху в лодке, принялись вытряхивать покойничков, скидывая добычу валом в лодку.

«Имел я всё это в виду, валить надо отсюда, пока не началось».

Как ни торопился, но минут сорок на всё это убил. Хорошо, догадался лодку в воду немного столкнуть. Много с покойничков надёргал. Камуфляж и форму – в первую очередь, они в крови все и в дырках, но ничего, воды в озере много. Будет время, постираю.

Странно, что никаких эмоций. Пацан этот, напарничек мой, на скотобойне работал, что ли? Нет, крови я, на «скорой помощи» работая, повидал. И на пару десятков ножевых ранений как-то заносило (в те годы подобное было в порядке вещей), и труп огнестрельный видел, и бабульку, под трамваем побывавшую, перевязывал, и дурочку шестнадцатилетнюю из петли вытаскивал. Но всё равно десяток трупов в день для меня перебор, а эмоций никаких.

Одно только беспокоит: скорей, быстрее, пока не началось. Как чуйка какая. Так и тянет всё бросить и валить отсюда, а жаба всё это хозяйство бросить не позволяет. Вот и

мечусь по берегу как в задницу укушенный. Сапоги, носки снимал вообще без брезгливости, даже с того, кому гранатой по ноге прилетело. У него вообще кость в обрамлении рваной кожи, мышц и сухожилий торчит.

Все шмотки скинул на дно лодки, там вода на дне плещется, но совсем мало. Заодно и замочил окровавленный камуфляж. Стирать потом будет проще. Ремни, пояса, подвесные ремни, пистолеты у каждого второго, а у снайперов – у каждого. Пулемёт с банкой – сбоку, два автомата, карабин, две снайперские винтовки, фонари карманные, подсумки, гранаты у каждого по две штуки. Это всё сверху на шмотки – много на каждом навешано было. Жетоны, документы, зажигалки, сигареты, цепочки ещё и мелочь денежная. Хрен я что оставляю. Четыре компаса и часы я отдельно в ранец убрал. Вообще всё из карманов туда вытряс. Снайперов раздел чуть не догола.

Так, теперь пленник. Блинчики-оладушки! Связанная, избитая оказалась молоденькой девчушкой в разорванной одежде. Мужская одежда, гражданская, штаны, перехваченные простой верёвкой, несуразный, замызганный тёмно-серый пиджачок на несколько размеров больше. Явно с чужого плеча. На пугале огородном одёжка лучше. На ногах у неё немецкие ранцы были навалены, ноги босые. Ботинки из-под девчонки торчат тоже убитые наглухо. Заметил: ступни маленькие, и мокрая она вся, на дне же лежит, ближе к корме, головой чуть не под кормовой банкой.

Чёрт, там же воды больше всего! Не задохнулась бы. Чуть повернул. Не, вроде дышит. Голова разбита, на скуле синяк наливаются, видно, досталось девчонке неслабо. Руки связаны за спиной, а ноги – в лодыжках. Сразу разрезал верёвки. Перевернул девушку на спину, пристроил поудобнее, чуть приподнял голову и подсунул под затылок одну немецкую куртку.

Теперь немцы. Куда бы вас пристроить? Закапывать? Это я сдохну на земляных работах. Да и времени на это уйдёт немерено. Пожалуй, пора вам, ребята, купаться. Стащил все шесть трупов в воду, связал ноги их собственными ремнями. Жаль, конечно, ремни кожаные, на век сделанные. А что делать? Придётся идти на некоторые материальные жертвы. Стянул верёвкой все шесть трупешников, состряпав нехилую гирлянду, за другой конец верёвки привязал приличных размеров булыжник и перетащил его на кормовую банку.

Ну, вроде всё? Быстро осмотрел развороченный на берегу песок – точно всё! – и столкнул лодку в воду. Сказал бы я вам, товарищи фашистские гадины! Поменьше корабль пригнать было нельзя? Она же на четыре весла. Оглядел гладь нехилого озера. До ближайшего островка километра полтора. Сдохну я на вёслах. А куда деваться-то? Два весла скинул в лодку и не торопясь почапал, с трудом ворочая этими неподъёмными колодами. Хорошо, что ветерок небольшой и почти в сторону острова дует, подправлять приходится, но терпимо. Я даже приноровился. Нет, опять не я, сержант

этот. Опять как в голове тренькнуло, расслабился я мысленно, и тут же тело как будто само заработало. Заработать заработало, но два с половиной часа с небольшими остановками помахать вёслами пришлось.

Останавливался несколько раз. Первый – это когда отправил немцев изучать дно безымянного для меня озера. Ничего личного. Чем дольше их будут искать, тем лучше для меня лично. Заодно помоются ребята – хоть какое-то моральное удовлетворение, а получил. Извращённое, но это опять выверт моего шараханутого пулей мозга и, мне кажется, безмолвное одобрение сержанта.

Приполз на остров я уже на последнем издыхании. Подошёл с подветренной стороны, почти по глади, прикрываясь островом. Думал пристать здесь же, но благоразумие победило. Прошёл чуть дальше, ворочая вёслами из последних сил, и с другой стороны небольшого, как оказалось, островка обнаружил местечко для лодки между двух здоровых валунов. То, что доктор прописал.

Воткнулся. Весла, правда, вдоль бортов пришлось вытягивать, протискивая лодку между двумя большими камнями. Неуклюже выполз на берег, зачерпнув воды голенищем левой ноги. Холодна всё же водичка! Действительно не северный берег Чёрного моря. Вцепился в нос лодки и силой всего этого тренированного молодого тела вытащил лодку на берег, насколько смог.

В воду всё же пришлось зайти чуть не по пояс, иначе дев-

чонку, так и лежащую в воде, из лодки было бы не вытащить. Взял её на руки – лёгонькая какая! – и понёс на берег. Здесь уютно, эта сторона пологая, черничник почти к самому берегу спускается. Поднялся повыше, положил девочку прямо на невысокие кустики вездесущей ягоды, за очередным большим булыжником, пристроил поудобнее, надёргал мха под голову. В сознание девчонка так и не пришла. Придётся её всё же раздевать, мокрая вся, да и перевязать надо.

Весь следующий час я этим и занимался. Сначала пошустрому перетаскал всё из лодки наверх, скинул с себя гимнастёрку и нательное бельё, вытряхнул из вещмешка сухие портянки и надел немецкий камуфляж, приготовленный для себя ещё на том берегу. Да и хрен с ним, что он слегка в крови, я не брезгливый. Некогда мне его сейчас стирать.

После чего раздел девушку догола. Красивая, потрясая сложенная девочка. Она синяя уже от холода, в воде же лежала, а сейчас на ветру. Не заболела бы. Чем её потом лечить? Антибиотиков здесь пока не придумали. Любая простуда на тот свет может отправить. Разделся сам и аккуратно, стараясь не задеть голову, накинул на неё свою нательную рубашку – она просто моим телом нагретая, – втиснул в штаны, замотал немецкой плащ-палаткой, а ступни ног – сухими портянками.

Так. Теперь её голова. Ну, это просто. Слава богу, не пробита! Чем же её так отоварили? Неужели прикладом? Вот уроды! Когда раздевал, ещё и на рёбрах нехилый синячище

видел, и не один. Ногами пинали, что ли? Совсем озверели? Она же ребёнок практически.

Перевязал, уложил поудобнее у заросшего мхом валуна, чтобы не дуло, и пошёл, едва передвигая ноги, своим возросшим хозяйством заниматься. Устал всё же здорово. Сейчас полежать бы да костёр надо запалить, подарки немецкие разобрать, оружие почистить, чай поставить в немецком котелке. Работы ещё хватает, хорошо, девушку положил удачно. Здесь, за камнем, потише, я и костёр рядом запалил, благо остров не сильно маленький, как мне с воды показалось, и валежник есть, и пару брёвнышек сухих притащил.

Не заметил я, как девушка очнулась, по хозяйству крутился как заведённый. В одном немецком котелке у меня уже чай заваривался, я сразу в воду брусники с черникой растёр. Во втором вода только чуть подогрелась. У фрицев концентрат гороховый и колбаса сырокопчёная обнаружились, так что без горячего не останемся. Если эту колбасу в концентрат с водой покрошить, вкуснотища получится.

Увидеть, как она очнулась, я не увидел, а движение почувствовал. То самое, какое от неё ждал. Пистолет я у неё под руками положил в кобуре. Правда, без патронов, но она же об этом не знает. Вот и будет для неё проверка, а то окажется, что не того подобрал.

Не оборачиваясь, спросил:

– Чай будешь? Повернуться можно? – И не торопясь, не делая резких движений, обернулся. Разумеется, ствол прямо

на меня смотрит. – Чай, спрашиваю, будешь? Вот и спасай таких, как ты. Глаза продрать не успела, а пистолетом в спину уже тыкает, и это вместо спасибо.

Словами пристыдить не удалось, но смутиться смутилась, углядела, во что она теперь одета. Аж вспыхнула вся.

Не давая сказать ни слова, добавил:

– Я раздел, мокрая вся была, боялся, простудишься. Успокойся, свои. Мои документы в кармане гимнастёрки, что на тебя наброшена. Моей гимнастёрки, кстати. – После чего отвернулся от неё и, перелив треть чая в третий котелок, протянул девушке.

Можно было бы и в кружку налить, немцы запасливые были. И кружки, и стаканчики складные, и шнапс у них был, но о котелок ещё и руки погрееет, и остужать проще, и пистолет ей придётся положить. Вот и посмотрю, насколько она мне доверяет.

– Я тебя знаю, ты сержант Малахов, у тебя кровь на спине, – неожиданно сказала девушка.

Я свою гимнастёрку ей отдал, а на себя камуфляж одного из снайперов накинул, вот она и увидела дырки.

– Это не моя кровь, это бывшего владельца, – поправляя котелок на костре, сказал как можно небрежнее.

О как! Малахов-то у нас, оказывается, известный на всю округу малый. Так сказать, первый парень на деревне.

– Малахов-то я Малахов, только о том, что я Малахов, я сам только утром сегодня узнал, – не оборачиваясь, известил

я девушку. – Меня вчера в голову ранили, так я утром очнулся в воде и как заново родился. Ни черта не помню. Кто я? Где я? Как туда попал? С кем? Потом на берегу десятерых бойцов нашёл и лейтенанта. Затем четырёх немцев убил, их друзья обиделись и стали в гости к себе звать, но мне удалось отговориться. Теперь вот ты попалась со своими кавалерами. Кавалеры твои нашу встречу не пережили, а как лодку стал осматривать, тебя нашел. Не выкидывать же? Так мы с тобой и встретились. Тебя как зовут? – неожиданно задал вопрос, сменив повествование на закамouflированный допрос.

Девушка вопроса не ожидала и, видимо на автомате, на него ответила:

– Катя. – И тут же задала встречный вопрос: – Ты совсем ничего не помнишь? – Похоже, она этого совсем не ожидала. А как я не ожидал!

– Совсем. Хорошо, тебя встретил, голову мне перевяжешь, а то мне неудобно. Заодно и глянешь, что там, мне-то даже бинтом прикоснуться больно. Так замотал, а потом гимнастёркой, чтобы белым бинтом, как маяком, в лесу не отсвечивать. – И опять без перехода: – Давай либо стреляй в меня, либо чай пей, пока не остыл, нам с тобой ещё поесть надо, а то на голодный желудок умирать неудобно. Вдруг проголодаюсь ещё больше? Да и обидно: столько продуктов, а я мёртвый.

Девчонка несмело улыбнулась:

– Саш! Ты и меня не помнишь?

Я, абсолютно не кривя душой, ответил:

– Тебя? Я себя не помню. Думаешь, легко? Ходить, бегать, стрелять получается, а всё, что было до сегодняшнего утра, как отрезало. Так что давай поедим, посмотри мне голову и расскажи, что да как, а то так дураком и помру.

* * *

– Саш, здесь пуля! – Голос Кати был напряжённый и... испуганный?

А чему удивляться? Я бы тоже испугался. Наверное, в своем времени я всё же погиб, а Сашку вчера убили. Вот меня сюда и вынесло. Видимо, оба жить сильно хотели. Так и сложился у нас с ним тандем. Или дуэт. Или чёрт его знает, что у нас сложилось.

Не скажу, что это меня расстраивает сильно, да и Сашка вон притих. Похоже, понимает, о чём я думаю. Теперь будем вместе жить, сколько получится, не по лесам же ныкаться. Ему совесть его комсомольская не позволит – война же не закончилась от того, что его вчера убили.

А мне? А что, у меня есть хоть какой-то выбор? Я на минуту задумался, вспоминая свою прошедшую жизнь и совсем недавнюю историю. Пока я до этих озёр добирался у себя, сколько братских могил проезжал? Весь Север, в каждой деревне и мизерном посёлке десятки погибших. А сколько таких, как Сашка, не похороненных? Сотни? Тысячи вот таких

вот Сашек да Мишек. Кто их в сорок первом по болотам собирал и считал? Немцы их хоронили, что ли?

А здесь мы вдвоём уже десяток фрицев на тот свет отправили. Может, чуть меньше, но зато с гарантией. Мне-то что терять? Меня уже нет. Там для меня всё достаточно просто. Подгонят трактор, вытащат джип из воды, вынут из бардачка документы, определяют личность, известят моего старого приятеля о случившейся неприятности. Визитная карточка с номером его телефона всегда рядом с правами хранится. А он знает, как поступить. Это у нас давно обговорено. Дальше у меня крематорий и гладь отдалённого водохранилища – некому приходить ко мне на кладбище. Лучше так, чем заросшая сорной травой могила или забытая всеми ниша в колумбарии, покрытая облупившейся краской. Не хочу так.

А тут и Сашка живой, и девочка эта. Может, она войну переживёт? Детишек нарожает, внуков увидит. Недаром я у себя на рыбалку в Карелию съездил. Ох, недаром. Ну да ладно. Пожужём – увидим, до чего нас этот тандем доведёт.

Мы уже поели, переоделись и согрелись, попив ещё раз моего чернично-брусничного компота, который я понарошку чаем называю, благо кусковой сахар я у немцев нашёл, и я всё же настоял на своей перевязке, было интересно, что у меня с головой.

А с головой у меня швах полный. Как так получилось, уже не сильно понятно, но в голове у меня точит пуля. Ну, как торчит? Совсем и не торчит. Донышко пули заподлицо с

краем черепной коробки. Сам перед перевязкой кончиками пальцев ощупал для полноты картины. Прикольно, правда? Вся пуля от немецкого автомата в голове уместилась, а донышко посреди лысины сверкает.

Погоди, Агафонов! Ты точно тормоз! Пехотинцу, что со мной в озере лежал, тоже в голову прилетело. Пуля голову не пробила, но он лежал дальше в воде и утонул сразу. Пограничнику молоденькому пули попали в спину. Я его не переворачивал, но мальчишка лежал лицом в воде – то есть тоже без вариантов. Пацана насквозь не пробило. Это я ещё тогда отметил.

Я замер, припоминая. Пулевые отверстия были от однотипного оружия – автоматная очередь. На излёте? Да нет. На каком излёте? Там метров шестьдесят от опушки до нас было – для автомата не расстояние. Точно! Бракованные патроны. Видимо, неполная навеска пороха и из одного цинка.

Повезло. Два раза. Автомат только один в отделении, но это какие-то загонщики, и автоматов у них в группе больше. Набивали в автоматные рожки из одного цинка, но несколько человек. Стреляли минимум два автомата. Из одного ствола так кучно по группе не попали бы.

Немцам просто было лениво пройти до нас шестьдесят метров, ведь оружия у нас видно не было. Винтовка пехотинца валялась в воде, мы признаков жизни не подавали, документы наши им даром не нужны, а до лейтенанта и бойцов идти было ближе. Бывает же.

– Всё у Малахова не как у людей! У некоторых во лбу звезда горит, а у меня автоматная пуля за ухом отсвечивает! – мрачно пошутил я. – Ничего удивительного, что я ничего не помню – голова прибор нежный, а по нему пулей, да со всей дури. Ты ещё разбередила. Всё! Пока не отдохну, никуда не стронусь. Будешь за мной ухаживать. – Голова на самом деле как отваливается.

Пока Катя кровь запёкшуюся оттерла, я чуть на ближайшую сосну не залез. Больно было жуть. Единственное желание возникло: отбиваться от неё ногами. Пришлось уткнуться рожей в мох и закусить губу. Теперь под предлогом головной боли я пару дней здесь на острове точно отсижусь. Необходимо сообразить, куда бежать и когда, а перед этим крепко подумать, что делать в самое ближайшее время, и привести своё хозяйство в порядок. Заодно и полентяйничая немного, приятно, когда вокруг тебя такая красотишка увивается. Не моя деваха, но всё же.

К тому же по-любому мозги надо в кучу собрать, а то я пока от утреннего шока не отошёл. Дела мои хреновые, это без дураков. Пуля в черепе – это не есть хорошо. Надумает она чуть повернуться или отоварит меня по бестолковке какой-нибудь Катькин поклонник, которые толпами по окрестным лесам шарятся, и надевай Малахов-Агафонов белые тапочки.

В рукопашную мне здесь однозначно не ходить. Даже лёгкие Катины прикосновения к моей многострадальной чере-

пушке вызвали такую боль, что я натурально на несколько мгновений потерял сознание. Разумеется, я изобразил глубокую потерю памяти, причём исключительно профилактически, и вот только сейчас якобы пришёл в себя, но всё равно сведения неутешительные, а на Катю без слёз не взглянешь. Испугана девчонка серьёзно, и очень это хорошо. Надо нам несколько дней пожить на острове – на ней самой живого места нет. Ходит она с трудом, так что я тоже полежу. Мы с ней на пару пока инвалидная команда, я-то оклемаюсь быстро, а вот таскать Катерину на руках мне на ухо не упёрлось. Так что буду изображать тяжелораненого бойца ровно до того момента, пока она ходить не научится, не падая через каждые сто метров. Угнездившись на мху поудобнее, я устроил Катерине форменный допрос, начав с самого простого.

– Рассказывай всё с самого начала. Какое сегодня число, как я здесь оказался, ну и как ты попала к немцам. Всё рассказывай, что сможешь. Что расскажешь, от того и плясать будем. Считай, что я сегодня родился. – Этим я давал девушке право рассказать что угодно, оставляя за собой право выбора дальнейших действий.

Катя рассказывала, как в школе на уроке.

– Сегодня девятое июля сорок первого года, двадцать второго июня началась война с немцами и финнами. Ты был в резервной комендатуре и в составе взвода лейтенанта Горелова занимался эвакуацией семей комсостава. Два дня назад финны прорвались к посёлку, и вы с лейтенантом и восемь-

надцатью бойцами приняли бой на его околице. Это всё, что я знаю. Я уехать со всеми не успела, и меня укрыли местные в посёлке, но кто-то выдал, и финны меня нашли. Сначала допрашивали, а потом один из местных – я его не знаю – сказал, что в лесу между озёрами укрываются отошедшие из посёлка красноармейцы. Деваться там некуда, лес между двумя озёрами и дорога. Но дорога идёт вдоль берега дальнего отсюда озера, – звездит Екатерина Батьковна и не краснеет.

Со всеми она не уехала, потому что не успела. С красноармейцами тоже не ушла и почему-то укрылась у местных, при этом сама одета в мужскую одежду. Волосы у неё короткие, а это сейчас совсем не модно.

Интересный процесс, не правда ли? Медсестричка, связистка или дочка командира, решившая не уходить с гражданскими и повоевать? Или ты из леса на разведку пошла и тебя опознали? Поэтому и одежда такая нелепая, но об этом лучше не спрашивать. Сразу замкнётся и больше ни слова не скажет.

– Угу. Только тебя не финны привезли, а немцы, и среди них было два снайпера. Не знаешь, почему?

Мне вообще было непонятно, почему Катю не убили прямо на месте. Зачем городить такие сложности?

– Они говорили между собой, что со стороны дороги пойдёт облава, а с этой стороны будут засады со снайперами. Меня они хотели привязать на поляне и стрелять по тем, кто ко мне вый дет. Это предложил высокий гауптман, который

был в нашей лодке. Они пари заключили со снайпером из другой группы.

Ага! Прокололась Катерина. Я не думаю, что немцы говорили по-русски. Разговаривали они между собой и бегло, а девчонка их почему-то поняла.

– А сколько всего было групп на лодках?

Снайперы – это интересно. Одну группу я угробил, сразу их не спохватятся. Жрачки у них, по самым скромным подсчётам, на шестерых дня на четыре. Плюс вся остальная навеска вроде шнапса во флягах и трёх бутылок французского коньяка у снайперов. Неплохая «конина», я после еды уже причастился для согрева.

– Всего две группы. Облаву планировали на послезавтра, а сегодня ночью хотели меня на поляне повесить. – Так же спокойно и, казалось, механически ответила девушка.

Ага, и окруженцы сразу незнакомую девчонку спасать прибегут. Точно художественный свист.

– У других групп пленники или пленницы есть? – Ну-ка, а что ты сейчас скажешь? Мата Хари ты наша недоделанная.

– Нет, этот гауптман – дворянин, он так в Африке на львов охотился. Сказал, хочет попробовать. Остальные просто с солдатами, поэтому и облаву на сутки перенесли. – Катя не понимала моих вопросов, а я хотел представить полную картину происходящего.

– Кроме тебя пленные в посёлке были? Если были, то кто и сколько?

– Я видела семерых красноармейцев и две семьи комсо-
става. Их вместе держат в сарае рядом с сельсоветом.

Всё страньше и страньше, что-то эта красавишна скрывает. Людей в посёлке ещё полно и красноармейцы есть, а немцы тащат в лес молоденькую девчонку и между делом вваливают ей так, что она после этого массажа едва передвигается. К тому же с чего тебя должны спасать? Точно из леса вылезла на разведку, а местные сдали. Что там за паскуда в посёлке окапалась? Если доберусь, надо будет прибить на хрен. Чтоб воздух не портил.

– В посёлке войск много? Облава со стороны посёлка пойдёт? – продолжил я импровизированный допрос.

Вокруг этого гауптмана какие-то пляски с бубнами. Даже сафари ему устраивают. Ох, не простой был немчик. Надо документы потом в сторонку отложить. И хорошо, что я его с приятелями утопил, а жетоны с документами припрятал. Будет теперь вся эта команда у немцев пропавшими без вести. Тем более что высокопоставленный гостюшка как сквозь землю провалился. Вот и пусть их поищут на досуге, ноги, бегая по лесам, постирают, а мне в радость. Как там в старом анекдоте? Подавилась тёща пятакком. Мелочь, а приятно.

– Да, из посёлка и вдоль дороги, а с той стороны речки пулемёты поставят. Немцы хотят прижать наших к реке и расстреливать. Этот гауптман поэтому так далеко на лодке и забрался. Там очень большая поляна в лесу, мимо той поляны

пройти нельзя. Он ещё радовался, что можно стрелять, как в тире. – Рассказывала всё это Катя, уже показывая всё на карте, которую я расстелил перед ней.

Задумано все немцами классно. Облава пойдёт от посёлка и дороги, выгоняя окруженцев из леса на поляну, где располагаются снайперские группы, и прижмёт окруженцев к мосту и к реке. Фактически наши находятся в большом мешке, ограниченном двумя озёрами, рекой и посёлком. На поляне – снайперы, автоматчики и ручной пулемёт в каждой группе, а у моста и на той стороне реки – станковые пулемёты.

Вот теперь всё складывается в ёлочку. Потому-то и патрули егерей вдоль дороги бродят. Они смотрят, не сдвинулись ли окруженцы куда в сторону, а деться там особенно некуда. След одного человека от протоптанной просеки десятков ног здорово различаются.

Истинные арийцы молодцы. С фантазией воюют. Сначала отпользовали бы девочку вшестером. Они затем её и притащили, иначе взяли бы пару красноармейцев, а затем привязали бы «козочку» на поляне и отстреливали бы её спасателей, как курят. На выбор.

Меня вот только никто не ждал. Как бы мне всё это обыграть? Одной снайперской группы нет, это хорошо, но это отсрочка максимум на сутки. Вот что такое не везёт и как с ним бороться? Опять мне на вёслах корячиться.

– Слушай, Катерина! Ты по компасу ходить умеешь? В лесу не заблудишься?

– Конечно, не заблужусь. Я этот лес как свои пять пальцев знаю! – возмущённо фыркнула девушка.

Опять прокололась Катя, но это уже не важно. Не дали мне полежать спокойно. Может, и к лучшему? Говорят, движение – жизнь, но не в нашем случае. Наше с Саней движение – это чья-то смерть.

– Придётся тебе завтра с самого раннего утра наших в лесу искать. Скажешь, чтобы на поляну не совались. Четыре снайпера, пара пулемётов и два десятка автоматчиков любое количество народа на этой поляне уложат. Вот смотри. – Я развернул карту поудобнее. – Скорее всего, красноармейцы вот здесь, у болота. Там ручей. Соответственно, вода рядом, и лесок побольше, и от дороги далеко. Придётся тебе с утра побегать вместо утренней зарядки. Обходишь поляну справа, но очень сторожко. Хотя нет. Лучше всего ползи напрямик, от места засады гауптмана. Этого никто не ждёт. Не торопись, отдыхай.

Даже если наблюдатели второй снайперской группы заметят, не страшно, тебя в их камуфляж замотаем. Они тебя за своего разведчика примут.

Карту я тебе отдам, покажешь командиру всё на месте сама. Пусть сразу, как тебя встретят, уходят вдоль дороги к мосту и ждут, когда я пулемёты выбью. Попробую я утром засады перебить, до кого дотянусь, и из леса с той стороны из снайперки обстреляю пост на мосту. Пусть нападают, когда финны на меня отвлекутся. Я выбью пулемётчиков и бу-

ду держать их, сколько смогу. Скажи, чтобы не медлили, как стрельбу услышат, но и без меня не лезли, иначе всех положат. На мосту пара станковых пулемётов точно есть.

Начну не позднее девяти часов утра. Самое позднее – в восемь тридцать все должны сосредоточиться в перелеске у моста. Там метров двести от края леса до пулемёта и часовых. Поняла? Если подойдут позже, мне звездац. На охране моста волки, меня они сожрут и не заметят. Было бы нас больше, продержались бы дольше, а один без вариантов.

Эх, не дадут мне спокойно полежать, а так хотелось пару дней отдохнуть на природе с красивой девочкой. В той жизни всё суетился, и сейчас сплошная беготня. Никакой личной жизни. Немного времени у меня ещё есть, а мне ещё карту надо запомнить. Она у меня одна, и я её сейчас девочке отдам.

Речушка, соединяющая два озера, короткая, но быстрая и метров около восьмидесяти шириной. Сразу её не пересечёшь. Самое неприятное – не отсутствие карты, а то, что ночи сейчас практически нет, так, серь непонятная. Одна надежда на то, что на берегу нашего озера финским секретам делать нечего.

Такой секрет с пулемётом есть в устье речки, к которой окруженцев прижать хотят. Мне этот секрет миновать не удастся – на глади озера я буду как на ладони. Впрочем, одна идейка у меня появилась. Жаль, «наган» только один и патронов к нему только четыре. Придётся мне мастрячить

одноразовый глушитель, а пока принялся надевать мундир и камуфляж гауптмана.

Хорошо, что я шмотки ещё днём простирнул, камуфляж уже высохнуть успел. Брать автомат я не стал. Снайперская винтовка, «вальтер», «наган», ножи и гранаты. Катю обрядил в камуфляж, который висел на ней как на вешалке. Замотал ей колени, локти и кисти мундирами автоматчиков, сделав примитивные наколенники и налокотники. Объяснил по-быстрому, что пока ночь, она должна пересечь большую часть поля, а быстро это можно сделать только на коленях и локтях. Вооружил «вальтером». Нечего ей по лесу с пустыми руками шариться.

А у меня другая забота: как мне финнов по-тихому перебить? Глушитель сделать? А из чего? Лёжа под сосной на очищенных моими руками пружинистых кустах черники и глядя в бездонное синее небо, я лениво думал. Котелок с опилками? Стеклянная фляга? Тряпки в несколько слоёв? Было бы наше время, можно было бы найти пару пластиковых бутылок и сделать одноразовый «глушак» прямо на коленке. А чем мне здесь пластик заменить?

Стоп-стоп. Погоди-ка, Агафонов! Отмотай мысль обратно. А что? Может получится! На один выстрел точно хватит! Как там говорят? Голь на выдумки хитра?

Глава 3

Коротка июльская ночь. В это время года скорее даже не ночь, а долгий продолжительный вечер. Уже упал утренний туман, ненадолго укрыв землю белесым покрывалом. Скоро по явятся первые робкие лучи солнца, а затем – бесконечно долгий день. Пока же звенящую предрассветную тишину нарушают только всплески крупной рыбы и бесконечный писк многочисленных комаров. Самое красивое и тихое время года.

Неожиданно ухо капрала уловило отдалённый всплеск, потом ещё один, скрип уключины, опять всплеск и невнятное бормотание. Сквозь туман проступили очертания большой четырёхвёсельной лодки, неспешно выдвигающейся из молочно-белой водяной взвеси. Лодка двигалась рывками, рыская из стороны в сторону и постоянно меняя направление движения.

Сидящий за веслами человек в немецком мундире грёб то одним веслом, то другим, то бросал оба весла, отчего лодку разворачивало вокруг её оси. При этом немец брал в руки бутылку коньяка, делал глоток, ставил бутылку на дно лодки и делал следующие беспорядочные и часто бессмысленные гребки. Лодка медленно приближалась к берегу и уже были видны детали.

На вёслах сидел немецкий офицер. Головного убора у

него не было, а голова его была обмотана грязным бинтом, незакреплённый конец которого небрежно свисал на правый погон. Мундир гауптмана был расстёгнут и грязен, а сам он, видимо, мертвецки пьян.

Лодка ткнулась носом в песок, и гауптман разразился очередной серией невнятного бормотания. Бросив вёсла, немецкий офицер опять потянулся за бутылкой. Запрокинул её над головой, сделал глоток, поперхнулся и выпустил изо рта горлышко бутылки, окатив себя коньяком. Затем гауптман раздражённо бросил бутылку на дно и опять разразился непонятной тирадой. Наконец офицер выговорился и, взявшись за борт лодки, попытался из неё выбраться, что ему удалось только с четвёртой попытки.

Во весь рост немецкий офицер выглядел не менее колоритно. Помимо расстегнутого полностью мундира и грязной форменной майки на офицере были камуфлированные штаны и только один сапог. Второй сапог гауптман достал из лодки и, почему-то держа его на вытянутых руках, пошатываясь, направился к лесу. Выглядел он настолько нелепо, что все трое дозорных невольно улыбнулись.

Фельдфебель жестом указал капралу и рядовому в сторону немца. Тяжело вздохнув, капрал направился выполнять приказание. Опять Корхонен взвалил на него самое неприятное, и всё только потому, что капрал знал немецкий язык. Как объясняться с пьяным до невменяемого состояния союзником, капрал даже не представлял.

Немца в лесу можно было не искать, запах коньяка доносился метров с пяти. Гауптман стоял, привалившись плечом к берёзе, и увлажнял землю мощным потоком, сапог при этом он небрежно засунул себе подмышку. Капрал подождал, пока немец закончит свой процесс, и негромко окликнул его:

– Герр офицер!

Немец медленно повернул голову и разродился серией невнятных бормотаний. Глаза его при этом были закрыты, а сам он ещё больше привалился к берёзе. Кивнув головой рядовому, капрал подошёл к офицеру и почтительно взял его под руку, с другой стороны, так же почтительно, но крепко, взял немца рядовой.

Гауптман пробормотал что-то ещё громче и неожиданно с силой вырвал руку у капрала. Затем он дотянулся до сапога, так и находившегося у него подмышкой, взял его, протянул капралу, и тому ничего не оставалось сделать, как взять сапог в руки. Это было последнее, что он сделал в своей жизни. Тяжёлый широкий штык от немецкой винтовки воткнулся рядовому прямо в сердце. Мгновением позже капрал получил стремительный удар ребром ладони в горло, а затем тем же штыком в печень.

Невнятный шум не привлёк фельдфебеля. Что ещё ждать от этих горе-союзников? Не мешали бы, и то ладно. Корхонен неспешно оглядел гладь озера. Внезапно справа в воду реки что-то шумно упало, и фельдфебель повернулся туда.

Штык пробил его всего насквозь, достав до сердца. Первый секрет перестал существовать.

А нефиг баловать! Столько коньяка из-за них пришлось на себя вылить для правдоподобия. И какого коньяка! Французский! Амброзия! Нектар богов! А я его на этот паршивый немецкий мундир! Ненавижу уродов! Эх! Теперь мне ещё и переодеваться.

Финны порадовали. Вели себя они так, как я и предполагал, а главное, их было всего трое. На этом хорошие новости закончились.

– Вашу ж мать! Вот на какое место мне станковый «максим»? Как я его в одно лицо в лодку затащу? Ручник никакой притащить нельзя было? Долбодоны чухонские!

Мать, мать, мать, по привычке ответило эхо. Оно всегда мне так отвечает. Мы с этим эхом живём душа в душу. Возмущению моему не было предела. С возмущением мы тоже не лаем – мы же почти родственники.

Помимо «станкача» финские солдаты были вооружены двумя трёхлинейками и незнакомым автоматом. Это их «Суоми», наверное. Поленился я немецкий взять, тащить было лениво, думал, на месте разживусь. Разжился. Таскай теперь эту тяжесть! Ха! У капрала «наган», он пулемётчиком был! Надо поискать запасные патроны. Живём!

Я это к чему? У «нагана» проворачивается барабан, а у пистолета двигается затворная рама и выкидывается гильза. В сапоге из «вальтера» я сделаю только один выстрел, а из

«нагана» – все семь. Что называется, почувствуйте разницу.

Сапог с набитым в него мокрым мхом сработает как глушитель. Я приладил к голенищу два ремня, которые накидываю на плечо, это чтобы первым же выстрелом сапог не улетел вместе с пулей. В самом сапоге я сделал тройную подошву, пробив небольшие отверстия в ней, и закрепил внутри ствол «нагана», чтобы он не гулял по сапогу, ну и напихал в промежутках мокрого мха. Вот и получились самые обыкновенные одноразовые глушители на пару-тройку выстрелов.

Мысль эта посетила меня, когда я вспомнил, как немцы в ручье бултыхались. Один из солдат, сопровождавших снайперов, стоял прямо в воде и никакого дискомфорта не испытывал, как будто в охотничьих резиновых сапогах по ручью рассекал. Немецкие сапоги сделаны из толстой прочной кожи. Я никогда такую не видел. Сказка, а не сапоги. Для проверки я налил в один сапог воду и поставил его в куст черники. Так тот три часа отстоял – хоть капля бы просочилась.

Здорово пригодился допотопный шприц, найденный мной у погибшего бойца. Видимо, он был штатным санитаром, раз у него с собой была какая-никакая, но медицина. Этим шприцом я накачал в сапог воды. Проверка на острове прошла успешно – толстые кожаные сапоги прекрасно держали воду даже после того, как я проколол в голенищах шприцем маленькие дырочки. При выстреле в эти дырочки тугими струйками ударила вода, но сам сапог выдержал. Долго такая конструкция не продержалась, но на пару

выстрелов сапога хватило, а я их четыре таких сделал. Правда, к «нагану» остались всего два патрона, и я приладил второй сапог на «вальтер» одного из снайперов. Вот я «нагану» с патронами и обрадовался.

Нет, есть ещё одна хорошая новость: в речке можно лодку укрыть. Совсем недалеко от поста в реку свалилась огромная ель, и между ней и берегом образовалось пространство, в которое можно запихать лодку. Так что я вытряс финнов, сняв с них форму, и загрузил в лодку оружие с боеприпасами и ранцами. Даже пулемёт затащил, хотя пупок у меня чуть было не развязался.

Здоровый мне всё же достался напарник и жилистый. Хорошо за своим телом ухаживал. «Максим» в сборе килограммов пятьдесят точно весит. Взяться за него сложно. На дно лодки поставил на колёса. Еле вкорячил эту тяжесть. Потом запихал лодку под ёлку, нарубил здоровых еловых веток подальше в лесу и замаскировал лодку. И переоделся перед этим, забрав снайперскую винтовку и все свои револьверы с надетыми на них сапогами.

А как мне секреты выбивать? Этот на комедию купился, а остальные два? То, что их ещё два, я ни разу не сомневаюсь. Судя по карте, если поставить пулемёты там, где я наметил, вся речка перекрывается. Я не думаю, что финны глупее меня.

Три секрета и пост на мосту. Четыре пулемёта, ну на мосту, может, два. Тогда пять. Пять станковых пулемётов полк

в реке утопят, только патроны подноси, а патронов у выбитого мной секрета было шесть коробок по двести пятьдесят патронов и два ящика гранат. Если кто киношную историю помнит, Василий Иванович Чапаев в конце своей жизни засаду из «станкачей» оценил, а с этой точки любое количество переправляющихся угробить можно. Засадники по наступающим бойцам на выбор будут стрелять.

Теперь я буду ждать смену караула и только потом выбивать все остальные секреты. Ждать – не догонять, можно и потерпеть, а то я что-то убегался уже. Сначала Катерину высадил, потом цирк изображал, затем грузчиком работал. Заодно и пожую, чем финны были богаты – у каждого дозорного за плечами были рюкзаки, а мне всё равно до смены караула куковать на берегу. Сейчас рано секреты выбивать, надо подождать до того времени, когда окруженцы в атаку скучкуются. В одно лицо мне со взводом финнов толкаться бессмысленно, задавят и не заметят.

Неплохо я с сержантом сработался, надо только думать «громко». Я когда глушак под «наган» делал, в голове было сплошное недоумение, а потом Катерина с расспросами влезла, пришлось объяснять, как в школе.

Глушители сейчас уже известны. Самый распространённый – «БраМит» братьев Митиных, как раз под «наган». Вот когда объяснил Катерине, в голове опять как щёлкнуло, вроде понял сержант. Когда грёб к берегу, уже целенаправленно объяснял задумку про гауптмана, и опять полное одобрение

получил.

Удобно у нас получается, он гребёт, я думаю. Моя задумка, его исполнение. Я только удар по горлу подправил. Вернее, когда меня финны под руки взяли, подумал о сминаемом ударом ребра ладони кадыке. И всё. Ладонью этого сержанта голову отшибить нефиг делать, штыком капрала можно было не добивать, но всё произошло без моего участия.

Теперь сидим, наворачиваем тушёнку с галетами и записываем моим черничным компотом, залитым во фляжку. А что? Работу мы сделали на отлично. Сначала сделали, теперь рассказываю, зачем мы это делали, а сержант ржёт у меня в голове. Нравятся парню мои приколы, да и финнам понравятся. Могу на что угодно поспорить.

На самом деле ничего необычного, всё в моём стиле. Финнов я раздел догола и живописно раскидал на берегу озера. В том смысле, что головёнки у них купаются в воде, а ножки загорают на берегу. Фельдфебелю я ещё одну ногу согнул в колене и привязал её к вбитому в песок колышку. Зачем? Чтобы выглядело всё несуразно. Чем непонятнее для противника, тем больше у него недоумения, а мне легче работать.

Голые финны не из-за глумежа над трупами. Мне и форма пригодится, и оружие с личными вещами и сапогами, и разводящий со сменой поближе на открытое место вытянутся. А то вдруг в лесу по кому наглухо не попаду? На открытом месте проще. В общем, так и получилось.

В смене состава было четверо: разводящий, очередной унтер-офицер и двое рядовых. По мне, лежащему под невысокими ёлками, они разве что только не прошлись и изумлённые остановились на краю леса, в том самом месте, где раньше стоял пулемёт. Разумеется, с пулемётом они обломались, и тут же, увидев сослуживцев, скажем так, в полном неглиже, ощерились двумя винтовками и двумя автоматами.

О! А вот и мой автомат! Спасибо тебе, добрый фей! Вот только этот добрый фей, на котором висит мой автомат, весьма умелый и накачанный малый. Стрелять я не торопился, смысла не было никакого, надо было, чтобы они немного успокоились.

Не обнаружив ничего подозрительного, коротко и негромко посоветовавшись, двое рядовых и унтер-офицер спустились с небольшого взгорка и стали переворачивать трупы, а четвёртый, тот самый накачанный малый с немецким автоматом, рассматривая следы, направился в лес, как раз к тому месту, где я писающего мальчика изображал.

Штык в спину под сердце – это очень неприятно. Старшему поста точно не понравилось, да и разводящий не в восторге, но я их не спрашивал. Вернее Сашка. Хорошо пацан натренирован. Удобно с ним работать.

«Это ты удачно зашёл», – подумал я, перехватывая ссыпавшегося на землю разводящего. Аккуратненько положив его на тропинку, я прокрался к берегу и сразу открыл огонь. Сапог отработал на все сто, я даже не ожидал такого глушения,

хотя третий выстрел был уже сильно громче всех, а одна из дырок в голенище превратилась в небольшую рваную дыру.

Воды в сапоги я налил где-то до половины, а дырочки в голенище пробил только сверху, чтобы через них вода не сочилась, но при выстреле пороховые газы создали в замкнутом пространстве излишнее давление, которое выдавило из сапога не только струйки воды, но и увеличившийся в объёме воздух.

Хорошие были сапоги у немцев! Надо ещё голенище тряпками обматывать, а то дырочки, пробитые шприцем после третьего выстрела, разрывает пороховыми газами.

Штыком добивать пришлось всех троих. Хоть расстояние и было небольшим, стрелял я просто по туловищам, а останавливающее действие у пули от «нагана» никакое. Унтеру досталось в шею, и кричать он не мог в принципе. Кровь, залив гортань при вздохе, просочилась дальше, и упавший на колени унтер просто задыхался.

Остальные двое получили по пуле в спину. Левый упал сразу – пуля угодила под левую лопатку. Правому я попал в плечо, и его ударом пули развернуло ко мне боком. Этот финский солдат был ко мне ближе всех, и я, бросив «наган», в два шага оказался рядом с ним. Нож я держал обратным хватом – тычком бить неудобно, и я быстро провёл клинком по горлу. В такой сшибке главное быстрота и, как это ни противно звучит, рациональность – минимальное количество движений для достижения необходимого тебе резуль-

тата.

Три трупа добавились к сослуживцам, но раздевать их смысла не было никакого. И они все в крови, и меня брызнувшей кровью с ног до головы окатило. Пришлось второй раз переодеваться, а заодно и по-быстрому мыться. Хорошо запасной камуфляж со снайперов с острова прихватил.

Всё остальное по накатанной: проверка карманов и складирование жизненно необходимых предметов в лодку. Глянув на время, я заторопился. Цигель, цигель, ай лю-лю. Время почти восемь. Надо шевелить булками. Мне ещё два секрета на тот свет отправлять.

Со вторым секретом проблем не было, он был совсем недалеко, на небольшом поворотике реки, и контролировал достаточно узкое место. Здесь тоже стоял «максим», только почему-то на треноге, за большой поваленной вдоль тропы берёзой. Стоял пулемёт как за бруствером, а секрет из двоих человек сидел на чурбачках у пулемёта. Финны только чуть подкопали грунт со своей стороны у берёзы, а с той стороны наверняка засыпали этим грунтом ствол дерева и замаскировали.

С комфортом расположились, но очень удачно для меня. Получалось так, что сидели они ко мне спиной и передавали друг другу наполненную фляжку, так что стрелял я как в тире. И в этот раз хватило двух выстрелов. Обоим прилетело в голову, так что без вариантов. У этих солдат кроме пулемёта была винтовка и большой, незнакомый мне пистолет.

Стянул со второго номера камуфляжную куртку, вытряс всё носимое в неё и завязал в один узел, документы только к себе в ранец прибрал. Ко всем прочим подаркам меня порадовали неполным ящиком наших гранат «лимонок», да и по карманам гранаты были распаханы.

Пришлось вытряхивать из одного рюкзака личные вещи покойного финна и убирать гранаты туда. У финнов не стандартные немецкие ранцы, а рюкзаки, похожие на наши туристические, только без дюралевых станков. Опять мельком глянул на часы. Восемь двадцать три. Норма.

Третий секрет стоял не там, где я его ждал, совсем не там, я даже растерялся слегонца от такого подарка. Значительно ближе к мосту, и пулемёт контролирует обширный плёс и часть реки. Прикинув угол обстрела, я повеселел. С этой точки я доставал до моста легко, здесь было метров четыреста. И мост, и часовые, и часть пулемётной точки на мосту мне были видны как на ладони.

Финнов на этом посту было четверо. Два пулемётчика, рядовые видимо, развалились у станкового «максима» на колёсах, а двое каких-то чинов азартно резались в карты чуть поодаль от пулемёта, почти на самой тропе. Вот с них я и начал.

Можно было уже не скрываться, и картёжники, схватив короткую очередь из автомата, дружно брыкнулись на землю. Получилось совсем не тихо, и второй номер пулемёта судорожно обернулся назад.

«Поздно, ребята, пить боржоми, когда почки отвалились».

Вторая очередь перечеркнула рядом лежащие тела. Я шустро подскочил к пулемёту, отвалил в сторону скребущего ногами первого номера и взялся за тёплые рукоятки «максимки».

«Ну, здравствуйте, ребятки. Доброго утра не желаю. Сегодня оно у вас не доброе».

Никогда я не стрелял из такого «станкача», но при всём анахронизме этого пулемёта хорош он тем, что делить очередь на короткие не требуется. Ни ствол не поведёт от перегрева, ни патроны не кончатся, так как их в коробке двести пятьдесят штук, ни прицел не собьётся, ибо колёса в мох вросли. Долбить можно, пока вода в кожухе не выкипит или пулёмётчика пуля не остановит.

Длинная очередь стеганула по троим солдатам, настороженно вглядывающимся в мою сторону. Прошлась по перилам моста, добежала до пулёмётной точки, опрокинула едва видимого мне пулёмётчика и остановилась на пулёмёте. Я видел сам пулёмёт сзади и немного сбоку, но мне этого хватило. Выбить пулёмёт – это не просто убить пулёмётчиков, главное, чтобы смене не к чему было возвращаться. Вот этим я и занимался, корёжа сам пулёмёт пулями. Раздолбав всё, до чего смог дотянуться, я перенёс огонь на выскакивающих на мост и дорогу пехотинцев.

Похоже, землянки или палатки были с той стороны, и вы-

скочившие на мост, пока я занимался пулемётом, солдаты сразу же попали под очередь. Двое последних получили по паре пуль в грудь, одному прилетело куда-то в самый низ живота, а самому первому из этой четвёрки досталось по ногам. Это получилось случайно, но очень удачно. Раненый финн корчился на досках моста, оглашая окрестности дикими криками. Я как раз перестал стрелять, и, воспользовавшись этим, к раненому солдату подскочили ещё двое.

– Нет, ребята, в другой жизни, – пробормотал я себе под нос.

Пулемёт опять забился в моих руках, и двое добровольных санитаров легли на дорогу рядом с раненым. Всё. Надо бежать к мосту, а то обойти меня как два пальца об асфальт. Хотя асфальта даже в моё время на местных дорогах не было, но эти шустрики и по лесным тропинкам носятся, как спринтеры.

Рванул я прямо с низкого старта и почти успел к началу представления. Удачно, что снайперка так и была закинута за спину, а в своих руках я держал автомат, в котором на бегу поменял магазин. Незадолго до края леса я притормозил и схоронился за высокой разлапистой елью, хотя сержант рвался вперёд. Даже приструнить пришлось салабона.

«Куда с голой шашкой на танки?»

Вовремя я. Только приник к толстому шероховатому стволу, как послышался топот ног и на узенькой тропинке показались трое финнов. Ну уж нет, ребята, сегодня вам

больше не бегать. Очередью досталось всем троим. Они меня уже пробежали, и стрелял я слева и сзади. Хорошо попало, не всем насмерть, но это не важно, с такими ранениями к активной жизни можно вернуться только через пару месяцев, если сильно повезёт, но у них везение на сегодня исчерпано. Оставлять за спиной живых врагов я не собирался. Опять две короткие очереди и смена магазина.

Теперь к опушке. Следующую тройку я поймал уже на дороге. Стоя на одном колене за толстой сосной, я не торопился. Сержант тоже притих – парень опытный, мишенью становиться не хочет.

Ждать нам долго не дали, ещё трое выскочили, перебежали через дорогу и рванули к лесу. Я их не видел. Зачем из-за сосны высовываться? Всё прекрасно слышно. Огонь я открыл практически в упор, финны меня совсем не ожидали. Стоял-то я на колене, высунулся и сразу начал стрелять. Так же одной очередью провёл, снизу вверх по диагонали, по всем троим, благо автомат при стрельбе вверх закидывает, а потом добил тремя короткими очередями.

Опять смена магазина. Нельзя оставлять в магазине мало патронов, лучше сразу смениться, но теперь автомат мне не сильно нужен, взялся за винтовку, автоматически глянул на часы. Всего без пяти девять? А показалось, что пару часов прошло.

Где там наша «непобедимая и легендарная»? На звуки боя сейчас такая толпа народа набежит! Только подумал об этом,

разглядывая в оптику мост, как из леса на противоположной стороне реки выметнулась толпа красноармейцев.

Надо сказать, что финны среагировали сразу, несколько голов поднялись с той стороны невысокой насыпи, но я этого и ждал. Захватил в прицел чью-то бестолковку. Дрогнула винтовка, приклад толкнул меня в плечо, быстрая перезарядка, ещё одна голова, опять толчок в плечо, и тут финнов захлестнули набежавшие красноармейцы.

Блин! Сколько же вас? Люди всё ещё выбегали из леса. Ага, вот и раненых потащили, в прицеле промелькнула знакомая девчонка. И ты здесь? Хорошо, что не в первых рядах, с тебя станется. Пора и мне на дорогу.

Оставил винтовку в невысоких ёлочках, перехватил поудобнее автомат, короткой перебежкой добежал до дороги и увидел пяток финнов, торопливо устанавливающих пулемёт. В этот раз какой-то «ручник». Сто метров через мост – не расстояние. Всех выкосят, если успеют.

«А вот хрен вам по всей роже! – мелькнула злорадная мысль. – Держите гостинцы».

«Лимонки» на поясе, усики щеки чуть разогнуты. Один взрыв, второй, третий, одну «лимонку» придержал – и трёх за глаза. Две гранаты немецкие из-за пояса на спине выдернул и, уже не сильно торопясь, размашисто отправил их на ту сторону дороги в перелесок.

Вроде всё. После пяти гранат там ничего живого остаться не должно было. Пора и мне на дорогу, а то пристрелят сго-

ряча, а я ещё не доложил. Вышел не торопясь и поднялся на невысокую насыпь, разглядывая своих финских «крестничков», побитых осколками гранат.

– Стоять! Лежать! Руки вверх! – фальцетом запищал подбегающий ко мне первым совсем молоденький пацан в щегольской командирской гимнастёрке, хромовых сапогах и почему-то совсем без оружия.

– Да иди ты в задницу! Командир на лихом коне! Скачи дальше! Финны в лесу ещё не закончились, – неожиданно вырвалось у меня.

Пацан опешил до такой степени, что даже притормозил, беспомощно оглядываясь на подбегающих с ним красноармейцев.

– Товарищ старшина! На той стороне пулемёт приберите, только аккуратнее, в лесу могут быть финны, – уже спокойнее обратился я к невысокому кряжистому старшине с винтовкой с примкнутым штыком, накатывающим на меня, как небольшая танкетка.

– Сдать оружие! – опять заверещал командирчик. Вот неймётся ему, от его визга даже старшина поморщился.

– А ты мне его давал? – Сдерживаться я не собирался, щадить самолюбие этого салабона – тоже. – Пойди, убей немца и возьми себе оружие, если своё не сохранил. Вон на мосту пяток моих валяется и на той стороне насыпи. Можешь забрать, дарю! – После чего, обращаясь к старшине и демонстративно игнорируя возмущённого политработника (види-

мо, это оно, слишком сильно воняет), представился: – Товарищ старшина! Сержант Малахов, восьмидесятый погранотряд, третья пограничная комендатура. Дайте десяток бойцов: там, в лесу, ещё два «максима», десяток винтовок и боеприпасы. Только один «максим» на треноге. Как его тащить, не представляю.

Старшина только хмыкнул и удивлённо покрутил головой.

– И всё один? – Уважение в его голосе было неподдельным.

– Так помощники только появились, и хорошо, что вас много – один я все, что на них навешано, не утащу. Уходить надо быстрее, долго рассиживаться нам финны не позволят. Кто старший? Кому доложить?

Но старшина решил иначе.

– Пойдём, пулемёты покажешь, а там и командира принесут. – Приказал коротко, но весомо. Мы и пошли.

Следом за нами, повинуясь короткому приказу, направились ещё восемь потрепанных двухнедельной жизнью в лесу красноармейцев. По пути я свою снайперскую винтовку из травы прибрал и капрала одного вытряс: у него автомат такой же, как и у меня. Ну и документы у всех шестерых забрал. Остальное, что на финнах было, бойцы на себя навьючили.

Дошли до первого пулемёта, здесь мой «наган» в сапоге валяется. Опять документы забрал, по карманам прошёлся и все в рюкзак к себе убрал. Объяснил бойцам, где стоит вто-

рой пулемёт, и мы со старшиной не торопясь отправились обратно. К дороге вышли как раз в тот момент, когда раненых дотащили.

Глава 4

Раненого командира принесли первым и сразу положили на краю леса под большой берёзой. Видно было, что досталось ему неслабо, ноги перебиты и в бок прилетело. Вот только непонятно, что здесь делает целый подполковник? Впрочем, какая мне разница? Рядом с подполковником – санитар с медицинской сумкой и Катерина. Давешний щенок в командирской гимнастёрке возмущённо вполголоса пыхтит что-то подполковнику. Точно щенявый комиссар. Вон красная звезда на рукаве, сразу не разглядел. Как он там называется? Младший политрук, по-моему. Увидев меня, выходящего из леса, он моментально заткнулся.

Не глядя на салабона, я подошёл и представился, подполковник с любопытством взглянул на меня.

– Так это ты, сержант, нас вытащил? Как удалось-то? – Интерес у него был неподдельным.

– Товарищ подполковник! Можно после войны расскажу? Разрешите выполнять приказание?

Подполковник удивился ещё больше.

– Так я тебе ничего не приказывал.

Я немного подождал, собираясь с мыслями, и принялся докладывать.

– Я сам не помню, но, согласно рассказу вот этой девушки, нашему взводу было приказано эвакуировать семьи комсо-

става. Приказание не выполнено, несколько семей осталось в посёлке. Этой ночью самое время выполнить приказ. Сейчас большая часть немцев и финнов находится в посёлке. Через какое-то время они узнают, что вы прорвались с этой стороны. Дорога здесь одна, через этот мост. Я могу придержать их на несколько часов, а затем, уже ближе к ночи, уйти в посёлок. Есть у меня одна хитрая задумка. Да и лодкой немецкие снайперы поделились. К тому времени там останется не больше взвода охраняющих посёлок финнов, остальные будут разыскивать вас и прочёсывать лес в поиске перебитых мною снайперов. Они их до конца своих жизней искать будут. Только мне известно, где я местную рыбу ими прикармлил. Вот как-то так.

Я выжидательно замолчал, глядя на подполковника. Тот думал недолго.

– А что? Может и получится. Один ведь не справишься! Что тебе надо? – Молодец подполковник, схватывает всё на лету.

– Четверо добровольцев из числа пограничников и два СВТ-40. Но только добровольцев, на такие задания по приказу не идут. Нужны люди, которые знают округу и посёлок как свои пять пальцев. Остальное оружие можно не брать, у меня есть чем вооружить людей, ещё и поделиться могу. Здесь нужно оставить пулемёт на треноге: вам таскать неудобно, а нам всё равно его не переносить. Необходимы ещё десяток гранат, патронов одна коробка. Больше всё рав-

но не потратим – обойдут.

Подполковник молча переваривал мои слова. Я это продумал заранее и продолжил:

– Вам лучше идти походной колонной по дороге с охранением, потом уходить на любой просёлок. По дороге и просёлку следов меньше оставите, да и быстрее получится. Охранение пусть поглядывает: дорогу мотоциклисты патрулируют. Вчера так было. Много времени не дадим, но часа три гарантировать можно. Была бы взрывчатка, можно было бы мост взорвать, а жечь его бесполезно.

– Взрывчатки у нас нет, сержант, а если поджечь, то сюда вся округа сбежится. – Это он прав, но поджечь можно и позже.

– Товарищ подполковник, может, товарищ старшина с людьми поговорит, он бойцов лучше знает? А мне бы голову перевязать, а то самому неудобно.

Подполковник кивнул старшине, и тот направился к красноармейцам.

– Перевязать-то перевяжем, да вот только нечем, – негромко сказал санитар.

– Да ладно, нашёл о чём волноваться! Есть у меня. Финны с немцами прямо уговаривали забрать. Не пропадать же добру? Голову перевязать рук правильных не было, у меня они под другое заточены. Пострелять, ножом помахать, пожрать, за девочку подержаться – это завсегда пожалуйста. А как перевязываться – трясутся. Крови боюсь, аж от страха потею, –

как можно небрежней отмахнулся я, плюхаясь недалеко от подполковника на пятую точку и снимая финский рюкзак.

Немецкий ранец с гранатами и пистолетом я предусмотрительно оставил подальше в лесу, под приметной небольшой ёлочкой с обломанной вершиной.

– Забирай всё, я ещё разживусь, если буду жив, а нет, так тем более не понадобится. Только аккуратнее с головой, а то там, говорят, пуля торчит.

Пока санитар разматывал бандану и бинт, я выкладывал из ранца свои трофеи, что походя wygrеб у финнов. В первую очередь – медицину, сигареты и шоколад. Отдал и пару флажков с водкой, что забрал у фельдфебеля и разводящего. Санитар, глядя на такое богатство, только головой покрутил и одобрительно хмыкнул. К тому времени он уже размотал бинт и, присвистнув, удивлённо сказал:

– Ой-ё! Действительно пуля! И не вытащить! Одно донышко видно! Первый раз такое вижу!

Я не на шутку перепугался.

– Э! Ты давай там не ковыряй её! Я к ней привык уже! Мы с ней лучше воюем! Сковырнёшь мою помощницу, понесёте меня. А оно вам надо?

Санитар успокаивающе проговорил:

– Не, я тебе что, врач? Раз пока не умер, пусть так и будет. Я только замотаю.

– Вот спасибо! Утешил, благодетель. А я так надеялся, что девочке померещилось с перепуга.

Подполковник всё так же удивлённо слушал нашу пикировку, а санитар, закончив перевязку, подошёл к нему поближе и доложил:

— Так точно, товарищ подполковник! Пуля в голове. Кровь не идёт, но достать нельзя. Я точно не смогу. Будем доставать, можем убить сержанта. Неизвестно, как она себя поведёт и что она в голове натворила. — Угу. Видно, в рассказ Катерины сразу не поверили.

Перевязывался я здесь специально. Этакая демонстрация и материальное подтверждение моих слов. Что я себе, голову замотать не в состоянии? Да не смешите мои белые тапочки, что для меня немцы с финнами зажали. Теперь сами носят, видимо, им оказалось нужнее.

Пока санитар докладывался, я намотал свою импровизированную бандану и, пододвинувшись ближе к подполковнику, обратился к нему:

— Товарищ подполковник! Заберите финские документы, что собрал. Глядишь, пригодятся на что. И можно ещё одну просьбу?

— Говори, сержант, чего тебе. — Устало прикрыл глаза подполковник. Похоже, даже такой короткий разговор утомил его.

— Напишите приказ от своего имени с поимённым перечнем бойцов, которые пойдут со мной.

Подполковник опять удивлённо посмотрел на меня. Видимо, подобное крюкотворство было совсем не в ходу.

– Зачем тебе? – Подполковник явно не ожидал подобной просьбы.

– При наличии подобного приказа переподчинить группу другому командиру будет сложновато, а то я званием не вышел. Да и при выходе к нашим с особым отделом проще будет объясняться. Всё же мы приказ выполняем, а не по лесам за ягодами отправляемся. – Я как можно доброжелательнее улыбнулся.

Имел я их всех в виду. Всё, что я читал про это время, мне оптимизма не внушает. Да и офисное моё прошлое подсказывает, что чем больше бумажек в начале пути, тем проще при квартальном отчёте. Пока рядом человек с крутыми погонами, надо пользоваться ситуацией.

– Хм. Ладно, напишу я тебе такой приказ. Только сам понимаешь, тебе его придётся выполнить. – Вот и проверка на вшивость. Вон как глазами зыркает.

Я как можно безразличней пожал плечами.

– Я и так собирался этот приказ выполнять. Мне разницы нет, а для дела проще. Другого приказа у меня пока не было. Детей всё равно надо вытаскивать. Не вытащим, всех расстреляют.

– С чего ты так думаешь, сержант? – Интерес подполковника был неподдельным.

– А куда финнам их девать? Передовые части уйдут вперёд, а пленных надо кормить и охранять. Ну, два, ну, три дня, ну, неделю, пока тыловое начальство вперёд не двинет-

ся. Допросили пару раз – и всё. Военнопленных можно на работы какие определить. А женщин с детьми куда? Проще закопать, чем возиться, а если убегут, потом отвечать придётся.

В это время подошёл старшина с шестью бойцами и обратился к подполковнику:

– Товарищ подполковник! Группа собрана. Старшина тоже собрался, что ли? Блин, со мной восемь. Как я эту ораву на остров переправлю? Хотя хрен с ним. Пусть будут. В два приёма переправимся. Сами пусть вёслами помашут. Не маленькие.

В это время подполковник озадачил младшего политрука приказом, а сам обратился ко мне:

– Сержант, хватит тебе столько людей?

– Много, товарищ подполковник, но пусть будут, много не мало. Тогда надо ещё два «нагана» и три десятка патронов к ним. – И, обращаясь к подошедшим бойцам, спросил: – Кто из вас хорошо стреляет из пулемёта?

Вызвался невысокий коренастый пограничник.

– Отлично. Тогда берёшь двоих бойцов с СВТ, закапываете «максим» в землю по кожух и маскируете по полной программе. На, возьми «вальтер», как второе оружие.

Товарищ старшина! Всё остальное оружие и боеприпасы оставьте здесь. Найду я, чем вас вооружить. Чего таскать лишнего? Уходящим бойцам пригодится, а мы, если понадобится, финнов вытрясем. Они богатые, а бог велел делиться,

но мы – комсомольцы, поэтому ни бога, ни финнов с немцами спрашивать не будем.

Товарищ подполковник! Разрешите идти? Времени мало. Приказ вот ему отдайте, – сказал, указывая на пулемётчика.

Тут мне в голову пришла ещё одна мысль.

– Да, ещё одна просьба. Надо всех финнов собрать и сложить вон там, на дороге, в кучу. Можно не всех, а хотя бы с десяток, а то ребятам ещё окоп копать, можем не успеть.

– Это ещё зачем? – в который раз удивился подполковник.

– Чтобы тот, кто приедет, прямо напротив пулемёта остановился, а не у первого трупa на дороге, – пояснил я и повторил: – Разрешите идти.

Подполковник чуть помедлил, разглядывая меня.

– Иди, сержант. Хотя погоди, документы свои политруку покажи, пусть в приказ тебя впишет.

Это да, туплю я что-то.

Пока политрук, зыряка на меня глазёнками, переписывал личные данные в приказ, я повернулся к девушке.

– Катерина! Возьми на память и больше в плен не попадай, – как можно мягче сказал я девчонке, протягивая второй «вальтер», компас и часы, которые снял с руки. Есть у меня на острове ещё запасец, не последнее раздаю.

Трое назначенных мною бойцов и ещё четверо их добровольных помощников уже настойчиво вгрызались в землю. Вернее, в песок – почва здесь песчаная. Молодцы мужики! Времени зря не теряют.

– Товарищ старшина! Вы с нами? Тогда побежали. – Отдав подполковнику честь и передав пулемётчику снайперку, я побежал в лес. Старшина с тремя бойцами потянулись за мной. Что за жизнь? Второй день здесь живу, а только и делаю, что бегаю.

По пути забрал немецкий ранец со своими персональными ништяками, а также куртку финна с гранатами и магазинами к автомату. Гранат и патронов никогда много не бывает, так что, обирая трупы, я не скромничал.

Прибежав к лодке, я принялся объяснять старшине, что ему надо будет сделать, а трое бойцов побежали выталкивать лодку. Ничего, троём справятся, я её один туда запихивал.

Увидев лодку, заваленную моей утренней добычей и так и валяющихся на берегу финнов, старшина уважительно пробасил:

– Ну ты орёл! Как ты шестерых свалить умудрился?

Я показал на сапог с «наганом».

– А вот так! Товарищ старшина, вам заготовки под это требуется соорудить. У вас два образца есть. Вам надо такое под четыре «нагана» сделать, сапоги тоже есть. На три глухих выстрела одного сапога хватает. Только мох внутрь надо мокрый положить и дырочки пробивать поменьше, чтобы пороховые газы могли выходить. Ещё будет просьба. Если не сложно, поесть что-нибудь приготовьте. Там, на острове, продукты есть, ну и сами поешьте обязательно. Впрочем, не мне старшину учить. Всё. Я побежал. – После чего рванул

обратно.

В общем, ничего нового я не придумал. Со старшиной ушли трое. Двое потом вернутся на лодке обратно и будут ждать нас, заодно и лодку посторожат, ну а мы – как получится.

Пока я бегал, колонна окруженцев ушла, а на дороге прямо перед пулемётом была навалена куча трупов. Пограничники вырыли неглубокий, но широкий окоп для пулемёта, притащили здоровое сосновое бревно и положили его на край окопа вместо бруствера. Ещё где-то надыбали и припёрли несколько колод поменьше, чтобы пулемётчику сидеть было удобно. Перед окопом ребята навтыкали срубленных ёлочек, так, что даже с пары метров позицию видно не было.

Это они молодцы! Уважаю. Умеют устроиться, поэтому у подполковника пограничников и просил. Погранцы – ребята хваткие, умелые, они здесь как рыба в воде ориентируются.

Присев на колено, снял ранец и начал доставать из него гранаты, обратившись к выжидающе смотрящим на меня бойцам.

– Так. О себе коротко. Сержант Малахов, зовут Саша, вчера получил пулю в голову и начисто потерял память. Ничего не помню. Если с кем до сегодняшнего дня встречался, не удивляйтесь, что не узнаю. Чуть больше суток бегаю по округе и играю с финнами в игру под названием «догони и убей врага». Пока бегаю я и убиваю тоже я, меня ни поймать, ни убить не смогли. Разбирайте гранаты и представьтесь.

– Красноармеец Фёдоров Константин. – Невысокий, жилистый, молодой парень с СВТ.

– Красноармеец Ристо Ярвинен. – Чуть повыше и постарше первого, рыжий и конопатый мужик тоже с СВТ.

Местный, что ли? Вот это подарок! Этот, наверное, стреляет как бог. Уж в лесах местных он как дома, надо будет парня поберечь, пригодится.

Вообще ещё во время своего путешествия заметил, что местных рыжих здесь полно. Количество рыжих кадров на душу населения значительно больше, чем где-либо. Правда, внешней красотой они не блещут. Чем обитатели здешних мест Всевышнего обидели?

– Ефрейтор Коляда Степан. – Пулемётчик представился последним.

Этот Степан поражает воображение. Он похож на небольшой камень. Невысокий, но такое впечатление, что его только что из соседней скалы вырубили и оживили. Силища в нём неимоверная. Сам видел, как он этот пулемёт с места на место передвинул, так, будто пустую кружку на столе переставил.

– Отлично! Ристо, стреляешь хорошо? – сразу обратился к карелу.

– Хорошо, товарищ сержант, охотник я, ну и Фёдоров хорошо стреляет. – Показалось, даже обиделся за напарника пограничник.

– Ребята, сразу определимся. Называем друг друга по име-

нам. Без всяких «товарищ рядовой», «ефрейтор» и «сержант», а то в бою пока выговоришь «Товарищ сержант, убедите голову, а то вам её сейчас отстреляют», голову отстрелят нафиг. Проще сказать: «Саша, справа». Так что Ристо, Саша, Костя и Степан. Договорились?

Пограничники заулыбались. Это было необычно, но не беспрельдно для субординации.

Блин! Сапоги не со всех убитых сняли, надо ободрать, пригодятся.

– Так, Степан, возьми бинокль, Костя – снайперку. Наблюдают. Если кто объявится, не стрелять, пока до трупов не доберутся. Мы с Ристо пойдём, по окрестностям погуляем.

Гуляли недолго. Ристо я сразу зарядил сапоги с финнов снимать, а сам дошёл до перелеска на той стороне дороги, но ничего, кроме следов от разрывов своих гранат, кровавого пятна и обрывков окровавленных бинтов в одном месте, не обнаружил. Потом дошёл до моста и под ним нашёл сразу два финских походных рюкзака. Здесь, чуть дальше у воды, палатка стояла, вон и следы от колышков. Впрочем, окруженцы всё остальное выгребли, даже палатку упёрли.

Проходя мимо возмущённого Ристо, сказал ему:

– Ристо, посмотри, как можно минировать. Будут трупы разбирать, нарвутся.

Взял одну «лимонку» и, выдернув чеку на гранате, подсунул её под второй от верха труп. После чего, подхватив шесть

сапог, направился к пулемёту.

– Вот что, ребята, сначала выслушайте, потом пыхтите. То, что сапоги на трупах остались, – наша недоработка. Политрук ваш – удод недоношенный. Наверняка он запретил. У него бойцы в ботинках и обмотках, а он врагу целые сапоги оставил. Сапоги нам самим нужны. Знал бы, что уходящие бойцы не забрали, со старшиной бы отправил. Мы пойдём освобождать пленных, и я не думаю, что финны им обувь оставили, а босиком они все ноги себе посбивают – уходить-то ночью придётся. Уберите сапоги в рюкзаки, пригодятся, и вообще всё лишнее туда упакуйте, а на будущее запомните: всё, что вы взяли с убитого вами врага, это ваш личный трофей, и ничего постыдного в этом нет. Понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.